

INSPIRIA

Роз Уоткинс

КРАСНЫЙ ДОМ

Она видела все,
что случилось
в ту ночь...

Но знает ли она правду?

INSPIRIA

Роз Уоткинс
Красный дом
Серия «Ток. Детектив в кубе»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70013560
Красный дом: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196223-4*

Аннотация

ЛУЧШАЯ КНИГА ЛЕТА 2023 ПО ВЕРСИИ SUNDAY TIMES.

Она видела все, что случилось в ту ночь... Но знает ли она правду?

Убийство, которое шокировало нацию.

Двадцать лет назад Джозеф Флауэрс хладнокровно убил своих родителей и младшего брата, а затем как ни в чем не бывало провел ночь в доме друга, работая над своей компьютерной игрой. Утром он врезался на машине в дерево и с тех пор впал в кому, а их семейная ферма стала известна как Красный дом. Место, где стены были залиты кровью.

Она думала, что знает убийцу.

Только Ева, младшая сестра Джозефа, выжила в ту ночь. Она была единственной свидетельницей убийства своей семьи, но до сих пор так и не поняла, что толкнуло брата на это ужасное преступление.

Что, если она ошибалась?

Став взрослой, Ева вынуждена пересмотреть свои воспоминания, когда всплывают новые улики по этому делу. А еще ходят слухи, что той ночью Джозеф создал в своей игре скрытый уровень, который содержит ключ к правде об убийстве семьи Флауэрс.

«Одна из лучших современных писательниц детективного жанра». – *ЭЛЛИ ГРИФФИТ*

«Очередное подтверждение, что Уоткинс – одна из лучших британских писательниц детективного жанра». – *DAILY MAIL*

«Уоткинс отлично справляется со сложными сюжетами». – *САРА ЛИНЛИ*

«Искусно написанный, изобилующий поворотами, захватывающий и тревожный роман». – *Б.А. ПЭРИС*

«"Красный дом" поразил меня с самой первой страницы! Прекрасно написано, с идеальным чувством темпа. Я думала, что хорошо умею находить подсказки, но я была сбита с толку этой удивительно хитроумной загадкой. Мне это очень понравилось!» – *АМАНДА БРИТТАНИ, автор книги I'M WATCHING YOU*

«Я не могла оторваться от этой истории... Я буквально промчалась по Красному дому, я так отчаянно хотела узнать настоящую историю убийства семьи Евы – настоящий page-turner с блестящим финальным твистом». – *ЛИЗА ХОЛЛ, автор книги THE WOMAN IN THE WOODS*

«Роз Уоткинс пишет книги, настолько наполненные атмосферой, что вам приходится постоянно проверять, что в безопасности дома, читаете, а не переживаете в реальности каждый мрачный момент вместе с героями». – *СИ. ЭС. ГРИН, автор THE WISPER HOUSE*

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	43
Глава 7	62
Глава 8	78
Глава 9	89
Глава 10	95
Глава 11	108
Глава 12	114
Глава 13	118
Глава 14	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Роз Уоткинс

Красный дом

*Посвящается Магнуму и Гринджу,
очаровательным котам, которые каждый день
показывают, как они умеют манипулировать
хозяйкой.*

Roz Watkins
The Red House

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Roz Watkins 2023

The moral right of the author has been asserted

© Жукова М.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава 1

Селестина

2002 год

Я стараюсь быть хорошей девочкой. Мама сказала: «Не выходи из своей комнаты, будь хорошей девочкой, тогда получишь розовые мармеладки». Мама становится страшной, если я не делаю то, что она сказала.

Я в своей кровати. Снаружи темно. Мама и папа где-то кричат. Я хочу быть хорошей девочкой и получить мармелад, поэтому крепко прижимаю к себе плюшевого медведя, чтобы он помог мне здесь оставаться. Меха на спине у мишки весь стерся из-за того, что я так часто его обнимаю и крепко прижимаю к себе.

Крики становятся очень громкими. Я начинаю плакать. Я уговариваю себя остаться там, где велела мама, но ноги сами выносят меня за дверь, в длинный коридор с желтыми и зелеными цветами на стенах. Мишка со мной, я все так же крепко сжимаю его в руках.

Кричат в той комнате, где спят мама и папа. Я у их двери, мама плачет. Она держит на руках маленького Бенджи. Я хочу, чтобы это прекратилось. Там Джозеф, он держит в

руках что-то черное.

Раздается громкий пугающий звук. БАБАХ. Затем появляется кровь. Папа на полу. Я кричу. Снова БАБАХ. Маме больно. Красное везде. Мама смотрит прямо на меня, плачет и говорит: «Беги!»

Я не хочу бежать, но делаю то, что она велела, разворачиваюсь и убегаю вместе с мишкой.

Я очень быстро спускаюсь с лестницы. Дверь на улицу открыта. «Не ходи туда. Болото забирает маленьких девочек». Но мне нравится на улице, и в любом случае мама сказала: «Беги!»

Я на улице. Здесь темно, и я плачу. Ноги несут меня мимо пруда. «Не подходи близко к пруду, там живут угри». Но угри хорошие. Они не такие страшные, как люди.

Я захожу в большое застекленное помещение, похожее на веранду, где странно пахнет. «Приходи в сарай, Селли. Ты можешь к ним зайти. Ты можешь их потрогать, они холодные, но не слизкие». Я захожу в этот стеклянный отсек, ко мне подползает одна из них и закручивается вокруг моей руки. Джозеф говорил, что змеи не страшные, а я люблю Джозефа. Но я плачу, потому что мама и папа пострадали, и рассказываю змеям, что сделал Джозеф.

Глава 2

ДЕЛО ПРИНИМАЕТ КРУТОЙ ОБОРОТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ УБИЙСТВ В КРАСНОМ ДОМЕ!

Анонимный предприниматель, работающий в сфере информационных технологий, заставил нас вспомнить об одной из самых интригующих тайн нашего времени, предложив награду в размере 50 000 фунтов тому, кто доберется до «скрытого уровня» в одной печально известной компьютерной игре.

Тем, кто в последние годы жил в пещере или на Марсе, сообщаем, что ее созданию предшествовали ужасные события. Одним холодным зимним вечером в феврале 2002 года пятнадцатилетний Джозеф Флауэрс застрелил своих родителей, Эсси и Эндрю Флауэрс, а затем поджег их дом, жутковатый особняк под названием «Красный дом». Погиб и младший брат Джозефа, но пятилетней сестре Селестине каким-то образом удалось сбежать. Ее нашли спрятавшейся в террариуме с ручными змеями Джозефа, сжимающей плюшевого мишку.

После совершения этого жуткого преступления Джозеф угнал машину родителей, поехал в дом

своего друга и всю ночь работал над компьютерной игрой, которую они с приятелем уже какое-то время разрабатывали вместе. Рано утром на следующий день он уехал из дома друга, но врезался на машине в дерево и получил серьезные травмы. В результате Джозеф оказался в вегетативном состоянии, в котором находится по сей день. Он спит и бодрствует, но ни разу не проявил признаков сознания.

Никто не знает, что побудило обычного пятнадцатилетнего парня совершить такое жуткое преступление. Друзья говорили, что Эсси и Эндрю Флауэрс были счастливы вместе и очень любили друг друга, Джозеф же казался эмоционально нестабильным и проблемным, но не больше, чем многие другие подростки.

Интерес к делу усилился после выхода компьютерной игры, которая сразу стала инди-хитом. Фанаты игры считают, что Джозеф оставил подсказки, объясняющие его действия, на так называемом «скрытом уровне» игры. Пока никому не удалось добраться до этого скрытого уровня, на котором, как считают многие, Джозеф показывает, что на самом деле произошло в ту злополучную ночь.

Теперь, когда объявлена награда, геймеры даже больше, чем раньше, нацелены раскрыть тайну. Таинственный геймер с ником Искатель сообщил, что уже подошел близко к цели. Найдет ли кто-нибудь скрытый уровень? Выйдет ли Джозеф из комы и сможет ли рассказать миру, почему он совершил такое ужасное

преступление?

1562 комментария

ЭйДжей213 – Не думаю, что скрытый уровень в этой игре так уж интересен. Не после стольких лет. Награда не сыграет роли. Эти фанатики не из-за денег этим занимаются. И никто точно не знает, есть ли вообще этот скрытый уровень.

Любимчик Фортуны – Я вполне могу попробовать за 50 штук. Приятельница моей подруги знала семью. Говорит, что мама и папа казались очень милыми и просто обожали друг друга. Идеальная семья, пока не случился этот кошмар.

Цыпочка Дикси – Любимчику Фортуны: Ну, конечно, приятельница твоей подруги их знала. ЛОЛ. Ты не замечал, что все, кого убивают выстрелом в голову, всегда оказываются прекрасными людьми. Идеальная семья, черт возьми.

Любимчик Фортуны – Улики против Джозефа только косвенные. Он мог этого и не совершить. Теорий полно.

Цыпочка Дикси – Есть теории, что безумно жаждущие власти рептилоиды уже живут среди нас, придурок, но это не значит, что это правда!

ЭйДжей213 – А что случилось с выжившей маленькой девочкой? Мне хотелось бы знать, что она помнит.

Цыпочка Дикси – Не сомневаюсь, что она горит желанием поговорить с каким-то незнакомцем типа тебя о самой жуткой ночи в ее жизни!!!

Любимчик Фортуны – Скорее всего, она живет за границей, сменила имя и фамилию. Оставьте в покое бедную девочку. У нее есть причины, чтобы скрываться.

Показать больше комментариев

Глава 3

Ева

2022 год

Я нахожусь в задней части магазина, когда впервые осознаю, что что-то не так. Это мрачное место с пыльными полками, стопками книг и паутиной по углам – моя естественная среда обитания. В торговом зале я чувствую себя, как олень в свете фар, шарахающийся от людей. Сегодня мне особенно сильно хочется спрятаться. У нас в магазине проходит одно из мероприятий, которые у нас регулярно проводятся во второй половине дня.

Мой начальник Маркус просто обожает различные мероприятия – и те, которые обычно проводят в книжных магазинах, и совершенно нетипичные, вроде дегустации диких грибов, которая особенно запомнилась, но не в хорошем смысле. А поскольку мне нравится здесь работать и я не понимаю, как мы зарабатываем достаточно денег, чтобы оправдать мое существование, я притворяюсь, будто тоже все это люблю. Даже нахожу способы показаться полезной, но такие, которые исключают непосредственное общение с людьми.

Сегодня у меня имеется прекрасное оправдание, потому

что какая-то крыса прогрызла наш интернет-кабель, и я пытаюсь его починить. Я понятия не имею, как это сделать, но, если хотите избежать общения, будьте готовы заниматься подобными вещами. Собака Маркуса по кличке Мумин тоже находится в магазине и тоже не любит общаться с незнакомыми людьми, поэтому мы вместе пытаемся починить кабель. Я смотрю на маленькие проводки и гадаю, чем же они так понравились крысе, но мыслями я далеко. Я беспокоюсь о своей бабушке Пегги. Вчера, когда мы с ней разговаривали, мне показалось, что она чем-то взволнована. У нее столько обязанностей. Ужасных обязанностей, которых ни у кого не должно быть, тем более у пожилого человека, пусть она сама и отказывается это признавать.

Сегодняшнее мероприятие у нас в магазине посвящено старым компьютерным играм, которыми мы тоже торгуем. Вначале не происходило ничего необычного. Периодически из зала доносился смех, кто-то настаивал, что ничто не может сравниться с основанными на текстах играми восьмидесятых (так они были хороши), вспоминали монологи с непонятными акронимами. Мне нравятся фанаты старых компьютерных игр за их необычный внешний вид. Я знаю, что это стереотип, но они его оправдывают. Поэтому я не очень беспокоюсь из-за необходимости с ними встречаться в дальнейшем. Но вдруг я чувствую, как атмосфера в зале сгущается. Большинство голосов затихают, а один становится громче и напористей.

– Не вешай мне лапшу на уши, Маркус, – говорит он. – Я знаю, что ты можешь ее найти.

Этот тип почти кричит, и я знаю, о чем он говорит. Об игре «Красный дом». Я сжимаю руку, в которой держу отвертку.

– Версии со скрытым уровнем не существует, – заявляет Маркус.

Его всегда раздражают вопросы про «Красный дом», хотя обычно он проявляет бесконечное терпение в отношении покупателей, которые приходят в магазин и спрашивают «эту книгу, ну, вы знаете, в голубой обложке» или «ту, которую написал этот парень из телевизора» (что едва ли сужает поиски). Мумин наостряет уши и встает, что для нее, вообще-то, большое дело. Она гончая и в прошлом участвовала в бегах, но я понимаю, почему она не добилась больших успехов на этом поприще. Мумин очень редко двигается.

Раньше «Красный дом» у нас спрашивали примерно раз в месяц, но теперь игрой стали интересоваться гораздо чаще, после того как какой-то идиот бизнесмен объявил о награде тому, кто доберется до скрытого уровня, который, скорей всего, даже не существует. И каждый раз, когда ее спрашивают, мне приходится прилагать массу усилий, чтобы вести себя как ни в чем не бывало.

– Я знаю, что там есть скрытый уровень! – орет этот тип. – Я видел этого геймера, Искателя, на Ютубе, так что не вешай мне лапшу на уши. Мне нужна эта игра!

Я пробираюсь к двери и украдкой выглядываю в зал, где проходит мероприятие. Мумин держится рядом со мной и тихо рычит. Один парень стоит слишком близко к Маркусу и продолжает на него наступать. Другие пьются от них и бормочут что-то типа:

– Так, парень, давай успокаивайся.

Кричащий тип выглядит совсем не так, как я ожидала. Молодой, худощавый, с правильными чертами лица – а это для меня кошмар. У него телосложение морского пехотинца, и он одет в обтягивающую футболку, которая подчеркивает его похожие на натянутые канаты мышцы. Если вкратце, то он легко может выбить все дерьмо из Маркуса.

Но Маркус не отступает, твердо стоит на своем и говорит этому типу:

– Вам лучше уйти.

Никто из фанатов видеоигр не собирается помогать Маркусу. Они отходят все дальше и дальше, смотрят себе под ноги, или их внимание внезапно привлекает плакат с объявлением о встрече группы экзистенциального опыта, запланированной на четверг.

Наступает переломный момент. Этот тип хватает Маркуса за шею.

И в это мгновение мы с Мумин с грохотом вылетаем из задней части магазина, напоминая мифическую полуженщину-полусобаку из одной из глупых игр. Я держу в руке отвертку, а Мумин оскаливается с таким видом, будто сейчас

на самом деле может броситься на этого типа и вцепиться ему в горло. Он смотрит на нас, отпускает Маркуса и выбегает из магазина.

* * *

Наконец мы от всех избавляемся. После того как реальная угроза исчезла, все хотят помочь. Маркус находится в задней части магазина и заваривает чай. Я сижу на стуле за прилавком, верчусь на нем и дрожу от переизбытка адреналина. Мумин вернулась к своему обычному состоянию и валяется на полу, будто в коме.

Маркус выходит в торговый зал с подносом, на котором стоят напитки и пирог. Мы переходим в небольшую нишу у окна, где стоят два удобных стула.

Мне нравится Маркус. У него длинные волосы и сломанный нос. Сломал он его в драке, про которую не хочет вспоминать. Маркус одевается, как старый хиппи, от него пахнет маслом пачули. По улицам Эшборна ходит мало людей, которые выглядят так, как он, поэтому я могу легко его узнать. А еще он не любит делиться своими чувствами и рассказывать о своем прошлом, поэтому и от меня этого не ждет.

Книжный магазин расположен на узкой мощеной улочке, которая будто сошла со страниц романов Диккенса. Внутри старого здания, которое кренится вперед под своим весом, находится множество маленьких комнаток, и кажется, что

дом когда-нибудь может рухнуть на улицу фасадом вперед, поэтому мы в нише испытываем легкое головокружение. За консультацией обращались к инженерам-строителям, здание укрепили металлическими стержнями, затем строители заявили, что от книг нужно избавляться, и на этом консультации закончились.

Маркус подталкивает тарелку ко мне. В магазин входит женщина, которая продает пироги, а вырученные от продажи деньги переводит в какой-то благотворительный фонд, помогающий бездомным. Они всегда у нее ужасные, словно она забыла положить или, наоборот, два раза добавила какой-то важный ингредиент, но Маркус их все равно покупает, и в магазине их обычно достаточно, чтобы впасть в диабетическую кому. Я беру тарелку и отставляю в сторону.

– Спасибо за то, что вмешалась, – говорит Маркус. – Это было впечатляюще.

– Это больше заслуга Мумин, чем моя, – отвечаю я. – Она обладает качествами супергероини.

– Вы обе были великолепны. Не знаю, что втемяшилось в голову тому парню. Я не могу как по волшебству найти и дать то, чего просто нет.

– А точно нет версии со скрытым уровнем? – Я стараюсь вести себя как обычно, как человек, никак лично не вовлеченный в дело. Но я так далека от нормальности в данном случае, что это просто комично, но Маркус этого не знает.

– Нет никакого скрытого уровня, – заявляет Маркус. – А

эти идиоты, которые думают, что могут до него добраться и получить пятьдесят тысяч, выглядят просто жалко. — У него на шее осталась царапина — в том месте, где его схватил этот псих. — Если этот тип вернется, когда ты будешь в магазине одна, сразу же звони мне.

Я киваю, зная, что скорей всего я этого не сделаю.

Я очень стараюсь не думать про Джозефа и Красный дом. Теперь я Ева и у меня новая жизнь. Я не понимаю людей, которые все ходят и ходят к психотерапевтам с наивными детскими глазами, снова и снова вспоминают все ужасы из детства и пытаются вытащить из памяти то, что забыли. Что за навязчивая идея? Мы не просто так что-то забываем. Но Маркус не знает (и никто в моей новой жизни не знает), что Джозеф — мой брат, а я — та маленькая девочка Селестина, то странное существо, которое бросилось к змеям искать утешения.

* * *

Я выхожу из книжного магазина и иду мимо рыночной площади. Сейчас час пик, скопилось много машин, из карьерных самосвалов вылетают дизельные выхлопы, скрежещут передачи, когда они спускаются с горы. Несколько лет назад один из них потерял управление и врезался в фасад магазина, поэтому мы все время настороже.

Я направляюсь к приюту для животных, где работаю во-

лонтером. У нас четыре ослика, шесть свиней, пара коз и несколько предположительно бездомных кошек. Мы также берем кошек, которым нужно найти новый дом. Это убежище как для них, так и для меня – когда жизнь становится слишком тяжелой, а люди ставят в тупик. Приюту постоянно не хватает средств, они с трудом платят за аренду земли, на которой располагаются, поэтому нуждаются в помощи таких волонтеров, как я. Я все время думаю о том, что можно было бы заработать, снимая милые видео с животными, но, к сожалению, разные виды предпочитают держаться друг от друга подальше и занимаются своими делами, вместо того чтобы объединиться в умирительную дружную межвидовую компанию.

Я достаю телефон и звоню бабушке Пегги, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. В некотором роде она мой лучший друг. Единственный человек в моей новой жизни, который знает, кто я. После убийств я переехала жить к дяде и тете и жила у них с пяти до семнадцати лет, но теперь мы редко общаемся.

Бабушка быстро отвечает.

– О, Ева, спасибо, что позвонила мне. У меня тревожные новости, – заявляет она.

Значит, случилось что-то плохое. Бабушка Пегги не склонна к панике, и только что-то на самом деле серьезное может заставить ее беспокоиться.

Я замедляю шаг и прижимаю телефон к уху, чтобы было

лучше слышно. Шум на дороге мешает.

– Что случилось? С тобой все в порядке?

– Мы можем с тобой увидеться?

– Конечно. Где встретимся?

– Ты можешь приехать сюда?

Я сглатываю.

– В Красный дом?

Она делает паузу, понимая, *о чем* она просит, потом говорит:

– Да. Прости.

– Бабушка, я... не могу.

Я в последний раз была там в семнадцать, восемь лет назад. Я оставила все это в прошлом. Мы встречаемся в других местах. В галереях, музеях, кафе, где громко работают кофемашины, и нам приходится кричать. В местах, где легко избежать разговоров на сложные темы.

– Всего один раз. Прости меня. Мне нужно с тобой поговорить. И... кое-что тебе показать. Я не очень хорошо себя чувствую.

Мгновение я жду, не могу говорить. Она тоже молчит, но я слышу ее дыхание. Я знаю, она не стала бы просить меня приехать, если бы это не было действительно важно.

И пусть внутри у меня все леденеет, в конце концов я отвечаю:

– Хорошо, я приеду к тебе в Красный дом.

Глава 4

А еду по трассе A515 из Эшборна, направляюсь на север к Бейквеллу, потом к Баслоу. Недавно прошел дождь, и дороги теперь блестят от воды. Сквозь облака пробивается тусклый свет зимней луны, который, падая на поля, придает им какой-то потусторонний вид.

Живот крутит от беспокойства. Бабушка Пегги не стала бы просить меня приехать в Красный дом, если бы не случилось что-то на самом деле плохое. Я веду машину в полубессознательном состоянии, бормочу себе под нос, что она, возможно, упала и растянула лодыжку, не может выйти из дома, но в целом с ней все в порядке. Мои слова звучат как мантра, но я в нее не верю. Произошло что-то очень серьезное.

Примерно через полчаса я приближаюсь к Лиш-Фену, болотистой местности, где растет много вереска, дрока и травы. Туда мало кто отваживается заходить, зато дикая природа чувствует себя просто отлично. Ходили слухи о затопленной деревне – во время дренажных работ нашли осколки глиняных изделий и деревянные вещицы, вырезанные из дуба, но это не подтверждено.

Я говорю себе, что слишком остро реагирую. Я всегда была паникершей. Если кто-то опаздывает на встречу со мной, я представляю себе автомобильную аварию, взорвавшиеся подушки безопасности, торчащие из конечностей кости и су-

дорожно работающих парамедиков, которые делают искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Этому едва ли стоит удивляться, учитывая мое прошлое, но обычно с людьми все в порядке. С бабушкой Пегги все должно быть в порядке, потому что она слишком много значит для меня. Я не видела тетю и дядю восемь лет, и Пегги – единственная родственница, с которой я общаюсь. Я представляю себя без нее дрейфующей в бескрайнем море льда.

Я доезжаю до насыпной дороги, пересекающей болото, и еду по ней к дому, который стоит на некоем подобии острова. В прошлом территорию вокруг него осушали, там паслись овцы, но бабушка Пегги решила этого не делать, поэтому болото постепенно отвоевывает себе назад эту территорию с ее молчаливого согласия. Осталось только одно хорошее поле. Это означает, что Красный дом с каждым годом становится еще более изолированным, окруженным болотом, от которого идет странное красное свечение. Я знаю, что болото красное из-за водорослей или еще каких-то растений, но ходят слухи, что это кровь животных, которых убивали в старом сарае в те времена, когда ферма принадлежала моему двоюродному дедушке. И конечно, там пролилась кровь членов моей семьи, хотя разумом я понимаю, что она не стекала в болото и оно стало красным не из-за нее.

От деревни Маршпул до дома всего около мили, их разделяет перелесок и, конечно, болото, но по ощущениям это совсем другой мир. Некоторые участки очень опасны. Это

так называемое «покровное болото»¹ – оно вроде бы кажется твердым участком земли, а на самом деле это на поверхности воды плавают слой травы и других растений. Когда я росла, мне рассказывали много историй о детях, которые отправились на болото и не вернулись. Реальный случай я знала только один – четырехлетний мальчик отошел от родителей во время семейного пикника и потерялся. Его тело нашли через два дня наполовину погруженным в воду.

В поле зрения появляется дом, освещаемый фонарем в викторианском стиле, который бабушка Пегги установила у двери. Кирпичный фермерский дом кажется темнее и краснее, чем должен быть. Изнутри дом был почти полностью уничтожен огнем, но фасад не пострадал, хотя при дневном свете все еще можно увидеть почерневшие участки, опаленные огнем. Я трясую головой и собираюсь с силами. Вины дома в случившемся нет.

Я заезжаю во двор и чувствую приступ тошноты. Но я должна это сделать. Я нужна бабушке Пегги, а она меня никогда не подводила.

Я выхожу из машины и иду к входной двери. Я чувствую покалывание на кончиках пальцев, крошечные волоски на шее сзади встают дыбом.

Дверь не заперта, и я захожу в темный коридор, быстро

¹ Англичане называют их «одеяльными болотами» (blanket bog), что кажется более правильным, потому что трясину покрывает «одеяло» – торфяное, травяное и т. д. – Прим. переводчика.

прохожу мимо гостиной и направляюсь в кухню. Мне кажется, что чуть-чуть пахнет дымом после пожара, но, конечно, это не так. Прошло двадцать лет. Я делаю глубокий вдох, и запах исчезает.

Меня захлестывают воспоминания. Я – маленькая девочка, рыдаю на плече у бабушки Пегги, потому что считаю, что тетя и дядя меня ненавидят. Запах талька с ароматом сандалового дерева, которым она пользовалась после ванны. Влажный банановый кекс, который она испекла, чтобы меня порадовать.

Пегги сидит за столом, склонившись над чашкой чая. На ней джинсы и свитшот – она никогда не выглядит как классическая «пожилая дама». На столе стоит тарелка с домашним печеньем и заварочный чайник, она пьет чай из фарфоровой чашки с блюдцем. То, что она потрудилась все это приготовить и выставить на стол, меня успокаивает. Может, на самом деле с ней все в порядке. Когда я была маленькой, она обычно выливали немного чая в блюдце, чтобы он побыстрее остыл, и поила меня им с блюдца. Может, она таким образом приучала меня к нему. Может, не хотела рисковать – вдруг мне бы не понравился чай? Когда в семье случилось столько трагедий, как в нашей, тебе часто предлагают чай, много чая.

Пегги поднимает голову и улыбается.

– Спасибо, что приехала.

Я вижу ее серое лицо и понимаю, что она выглядит намно-

го хуже, чем в предыдущую нашу встречу. Я снова чувствую тяжесть в животе, словно там сворачивается клубок змей.

Я усаживаюсь за стол, наливаю себе чай, беру печенье. В кухне сводчатое окно, разделенное вертикальной перегородкой, свет из него освещает часть территории, и я вижу, как частично оторвавшийся гофрированный металлический лист колотится на ветру на крыше одной из старых овчарен. Раньше я иногда оставалась здесь на ночь, но, когда начинался ветер, спать было невозможно. В такие моменты я представляла, что это мои умершие родители пытаются попасть в дом, и, с одной стороны, это пугало меня до жути, а с другой – я хотела их увидеть.

Я отгоняю воспоминания и смотрю сквозь окно на болото. Оно блестит в лунном свете, кажется жутким и красивым одновременно.

– Как ты? – спрашивает Пегги. – Как там книжный магазин? И животные?

– Отлично, – отвечаю я, решая ничего не рассказывать о нашем с Мумин сегодняшнем супергеройском поступке. Мне нужно, чтобы бабушка объяснила мне, что происходит. – Я еще должна вернуться сегодня в приют, чтобы покормить осликов, – добавляю я.

Она вздыхает.

– Хорошо, я сразу перейду к делу.

– Нет, нет, я не это имела в виду. Торопиться некуда.

Она сглатывает и хмурится.

– Я вполне могу сказать это сразу. Я умираю.

Я резко вдыхаю, протягиваю вперед руку и сжимаю ее ладонь.

– Что ты такое говоришь?!

– У меня рак яичников. Пошли метастазы.

Кухня плывет у меня перед глазами, и я снова вижу себя на ледяной арктической пустоши, меня быстро куда-то несет между кусков льда, к чему-то неизвестному и ужасному, а я не контролирую ситуацию.

– Лиз говорит, что, вероятно, все дело в стрессе из-за всего случившегося. Стресс может запустить развитие раковой опухоли.

Лиз – это лучшая подруга Пегги. Я не видела ее с тех пор, как прекратила сюда регулярно приезжать, но Пегги все время про нее что-то рассказывает. Она художница, у нее есть своя мастерская на возвышенности в окрестностях Маршпула. Они с Пегги вместе ходят по музеям и галереям. Я думаю, что без Лиз Пегги не справилась бы со всем, что на нее свалилось.

– Но ведь его же можно вылечить, да? – Я надеюсь, что Пегги не станет настаивать на использовании магических кристаллов и позитивного мышления вместо химиотерапии.

– Э-э, нет, – отвечает Пегги. – Боюсь, что у меня осталось мало времени. – Она произносит это с вопросительной интонацией. – Мне очень жаль.

Ее слова кажутся мне лишенными смысла. Щеки у меня

влажные. Я достаю платок из кармана и прижимаю к своему лицу. Я не могу дышать! Такое ощущение, что мои легкие заполнены до предела, но при этом я чувствую себя на грани обморока из-за нехватки кислорода.

– О, моя дорогая, все в порядке, – говорит Пегги.

– Нет, не в порядке! Совсем не в порядке!

Слова вырываются сами собой, я делаю глубокий вдох.

– Все умирают.

Потом я рыдаю, а бабушка меня успокаивает. Я чувствую себя ужасно, я говорю про себя, про то, что у меня никого нет, но умирает-то при этом она!

Я шмыгаю носом, сморкаюсь и прерывисто вдыхаю.

– Прости, бабушка.

– Нет, это ты меня прости. – Она сильнее сжимает мою руку. – У тебя такая трудная жизнь.

– Я справлюсь. Просто я в шоке.

Я не хочу спрашивать, сколько ей осталось.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, Ева. – Она замолкает на секунду, словно погружается в свои мысли, затем произносит: – Ты потанцуешь со мной?

Я знаю, что это не то, о чем она собирается меня попросить, но пока она, судя по всему, еще не готова говорить об этом. В чем бы это одолжение ни заключалось.

Когда я приезжала сюда ребенком, мы обычно танцевали в гостиной. Я часто расстраивалась из-за ссор с тетей или дядей или конфликтов с другими детьми в школе. Пегги обыч-

но ставила пластинку, хватала меня за руку и кружила до тех пор, пока я не начинала смеяться и забывала о том, что меня расстроило.

— Мы не можем просто начать танцевать и сделать вид, что ничего не произошло.

Я не хочу идти в гостиную. Я не готова к этому, внутри меня нарастает беспокойство. Кроме того, я должна расспросить ее о лечении, о том, когда ей на прием в больницу, и о том, чем я могу ей помочь.

Она хватает меня за руку с поразительной силой и поднимает на ноги.

Танец — это только повод затащить меня в *ту комнату*? Я отступаю назад.

— Нет, бабушка. Пожалуйста. Я не хочу...

Она игнорирует мои слова и продолжает тянуть, а я не могу с ней бороться. Пегги выводит меня в коридор, и там я останавливаюсь, опять пытаюсь сопротивляться. Она открывает дверь в гостиную, и я чувствую запах отбеливателя, смешанный с чем-то животным и мужским. Бабушка слегка тянет меня за руку, и мы оказываемся внутри. Я закрываю глаза.

Глава 5

Когда я открываю глаза, он там. У меня подкашиваются ноги, я начинаю оседать на пол, но бабушка Пегги крепко держит меня за руку, и я чувствую ее поддержку.

Я заставляю себя взглянуть на него. Я часто дышу и чувствую, что могу грохнуться в обморок.

Пегги наконец отпускает мою руку, и я, пошатываясь, иду к окну и прислоняюсь к подоконнику.

Он несколько не изменился за те восемь лет, пока я его не видела. Он лежит на огромной больничной кровати, одна сторона которой немного приподнята, чтобы его голова оказалась выше ног. Глаза вращаются в глазницах, кожа воскового цвета и покрыта капельками пота. Трубка, через которую ему поступает питание, змеей петляет от его живота вверх к специальному мешку. Жидкость, которая поступает ему прямо в желудок, выглядит омерзительно, при взгляде на нее меня начинает подташнивать. Мне кажется неправильным, что его внутренние органы все еще работают. Они сами качают то, что надо, выводят то, что не надо, тело получает кислород и питание, и сам он в этом, можно сказать, не участвует. Его тело не функционирует, но его присутствие все равно ощущается.

Рядом с кроватью стоит инвалидная коляска с электроприводом. Я помню, как сиделки пересаживали его в коляс-

ку, когда я приезжала их навестить. Пегги болтала с ним, спрашивала, куда бы он хотел поехать, так, будто он ей может ответить, но этого, конечно, никогда не происходило. Как и дом, он одновременно и притягивает, и отталкивает меня.

Джозеф находится в состоянии овоща *с той самой ночи*, хотя больше его так не называют. Теперь говорят «не реагирует на сигналы и не демонстрирует реакции на раздражители». Он и не бодрствует, и не спит. На протяжении всего моего детства я приезжала навестить бабушку Пегги и Джозефа. Конечно, часть меня ненавидела Джозефа. Я знала, что он натворил, и знала, что он виноват в том, что у меня нет ни мамы, ни папы. С другой стороны, он выглядел таким несчастным на этой огромной кровати. Я ничего не помню из того, что происходило до убийств, но любовь к нему сохранилась как что-то на уровне мышечной памяти. В общем, я одновременно и любила, и ненавидела его. Этот постоянный конфликт на меня все время давил. После того как я ушла из дома и переехала в Эшборн, я решила больше сюда не приезжать, не рисковать тем, что люди догадаются, кто я, и почувствовала огромное облегчение от того, что больше не буду видеть Джозефа.

Пегги идет в дальнюю часть комнаты к старому проигрывателю, ставит пластинку и опускает иглу. Громко звучит вальс, кажется, что скрипки и струнные играют не в унисон. Я уверена, что музыка, которую бабушка ставила в моем детстве, звучала гораздо лучше, чем эта.

Как я могу танцевать, когда она умирает? И как я могу отказаться?

Она кладет руку на мою поясницу и слегка подталкивает меня. И вот я уже вроде как танцую и чуть не врезаюсь в инвалидную коляску Джозефа. Я мечтаю, чтобы музыка и движение очистили мое сознание от дурных мыслей, как это происходило, когда я была ребенком.

– Эта комната всегда идеально подходила для танцев, – говорит Пегги и взмахивает рукой. Каким-то образом этим жестом она охватывает и высокий потолок, и паркетный пол, и арочные окна, но не члена семьи, ставшего овощем.

Когда мы, пританцовывая, продвигаемся по комнате, я пытаюсь представить, как бы мы жили, если бы были обычной семьей, Пегги не умирала, Джозеф был бы моим старшим братом, наблюдающим, как мы танцуем с бабушкой. Как оно было бы, если бы я жила, окутанная теплой любовью моих родственников, любовью, которая воспринимается как должное, потому что я не знала бы ничего другого. Если бы все улыбались и смеялись и, возможно, аплодировали бы нашим ужасным танцам. Я не могу это представить. Мне было пять лет, когда все случилось. Я никогда не знала, что такое нормальная жизнь и нормальная семья.

– Пожалуйста, давай остановимся, – наконец говорю я, когда понимаю, что Пегги тяжело дышит, ее кожа покраснела и покрылась пятнами. Может, все дело в розовом отсвете от болота, свет от которого попадает в эту комнату через риф-

ленное стекло старых окон, но я думаю, что все-таки дело не в болоте, а в ней.

– Я хочу снова что-то делать, – объявляет она. – Пока не стало слишком поздно. Я так мало пожила. Я не думала, что это растянется так надолго. Я отказалась от всего. Двадцать лет! Посмотри на меня, посмотри, какой я стала. Отекшие ноги, морщинистое лицо.

Меня совершенно не волнуют отекающие ноги и морщинистые лица. Я всегда за несовершенства. Мне нравятся люди с родимыми пятнами на лице, с искривленными позвоночниками, кривыми ногами, старики, у которых кожа напоминает выжженную землю. Все это – подарок для меня. Но мне грустно из-за того, что она потеряла. Ее жизнь тоже была разрушена этим парнем – мужчиной, – которого она, похоже, обожает, несмотря на то что он сделал.

Я слышу какой-то шум за спиной и подпрыгиваю.

– Что это?

– Вероятно, просто ветер, – отвечает Пегги. – Но, может, стоит проверить двери и окна?

– О боже, я не могу допустить, чтобы меня видели.

Подростки приезжают к Красному дому, чтобы продемонстрировать, какие они смелые, подначивают друг друга, снимают глупые ролики и выкладывают их в «Тик-Ток». Пегги приходится на них кричать и грозить, что выпустит змей Джозефа.

Я отпускаю руку Пегги и плотно задергиваю шторы, затем

бегу проверить все окна на первом этаже и дверь черного хода, через которую из кухни можно попасть во двор, к старым овчарням.

Там никого нет.

Я возвращаюсь и слышу, что Пегги прибавила громкость. Она снова меня хватает и начинает вальсировать. Выходит у нас не очень. Джозеф напоминает ядро, а мы – электроны. Он выглядит еще более неподвижным из-за нашего движения. Он издает стон, словно напоминая нам, что он все еще жив.

Пегги отпускает меня и подходит к Джозефу, изменяет положение его руки, чтобы кисть больше не была скручена и не тянулась к лицу. Локоть и запястье свело спазмом, а выглядит это так, словно он пытался выцарапать себе глаза.

– Ну вот. Теперь он хорошо выглядит, – говорит она, я ловлю ее взгляд, и она все понимает. Ничего «хорошего» тут нет. Я понимаю, что любовь из моих воспоминаний ушла, мышечная память больше ничего не подсказывает. Я чувствую только грусть из-за того, что Пегги потратила свою жизнь на уход за ним.

Она опускается на один из двух современных стульев, стоящих у окна. Как и все предметы в этой комнате, их подбирали с учетом того, чтобы их можно было легко мыть и дезинфицировать, чтобы Джозеф не подхватил инфекцию, ведь инфекции убивают таких людей. Я усаживаюсь на второй стул.

Пегги кивает на Джозефа.

– Он неплохо выглядит, правда?

– М-м, – неопределенно произношу я.

Он на самом деле выглядит моложе своего возраста. Но ведь ему не нужно оплачивать счета, сдавать экзамены, угождать начальству и покупателям. Пегги любит его по-настоящему, бескорыстно и безоговорочно, и терпеливо ухаживает за ним каждый день. Я никогда не понимала, как так можно после того, что он сделал. Каждый раз, когда я видела его, будучи ребенком, меня изнутри разрывали противоречивые эмоции. Пегги тоже так себя чувствует все время? Но как только я пыталась затронуть эту тему, она просто замолкала.

– Почему ты так его любишь? – вырывается у меня. – После того, что он сделал?

Мы впервые за долгие годы говорим о Джозефе. Боюсь, заканчивается то время, когда я притворялась, что его просто не существует.

На этот раз Пегги мне отвечает. Без промедлений.

– В этом нет никакой тайны, – говорит она. – Семья – это все. Нужно делать все необходимое. И я верю в прощение. Двадцать лет назад он совершил ужасную, на самом деле ужасную ошибку, но, боже праведный, он за нее заплатил. Кто я такая, чтобы сейчас его судить? Никто из нас не идеален.

Ну, это правда. Никто из нас не идеален. Но ее ответ не кажется мне правдивым. Она ответила слишком быстро, слов-

но отрететировала его заранее. Интересно, это просто инстинкт? Может, она так долго любила его до трагедии, что просто не смогла прекратить его любить и после?

Глаза Джозефа резко поворачиваются в моем направлении, и у меня все внутри холодеет. Кажется, что он в сознании. Но Пегги ведь добилась, чтобы после аварии к нему подключали электроды и проводили радиооблучение, пытаюсь что-то обнаружить у него в мозгу. Там не было ничего.

Когда я раньше приезжала сюда, я обычно разговаривала с Джозефом. Я могла сказать что угодно, ведь его я не могла ни шокировать, ни разочаровать. Мне нравилось с ним разговаривать, даже несмотря на возникавшие при этом чувства. По крайней мере, тогда никто не пытался анализировать мои эмоции, я могла позволить им прибывать и убывать, как приливам. А то, что он сделал, было таким жутким, таким катастрофичным, что казалось почти нереальным, в особенности после того, как бабушка Пегги стала игнорировать случившееся. И только когда я повзрослела, факты закрепились у меня в сознании, и я больше не могла справляться с противоречивыми эмоциями, которые он вызывал.

Очевидно, что в первые дни после аварии полиции очень хотелось допросить Джозефа. Они хотели, чтобы дело передали в суд, хотели обвинительный приговор. Очень утомительно, если ваш убийца даже не приходит в себя и не воспринимает вопросы. Они думали, что он может и симулировать. Был один тип, который два года симулировал кому,

чтобы не пойти под суд за мошенничество. Полиция поймала его, когда он оставил в компьютере фотографии с отдыха, на которых они с женой в «Леголенде»², что, как по мне, показало отсутствие последовательности в действиях этого мужчины. В нашем случае полиция в конце концов признала, что Джозеф ни в какой «Леголенд» не поедет и судебно-го процесса над убийцей тоже не будет. Я так и не решила, хорошо это или плохо. Дядя Грегори и тетя Делла говорили, что хорошо. Трагедия нашей семьи не будет выставляться напоказ. Но иногда у меня возникало ощущение, что смерть моих родителей и маленького брата ничего не значила.

Боковым зрением я замечаю какое-то движение и понимаю, что с Пегги что-то не так. Она наклонилась вперед на стуле. Глаза у нее широко раскрыты, лицо неподвижно. Я тянусь к ней, чтобы помочь, но не успеваю ее подхватить, и она соскальзывает со стула на пол.

* * *

Пегги сидит за кухонным столом, маленькими глотками пьет сладкий чай, который я для нее заварила. Ведь в таких ситуациях пьют сладкий чай, правда? Я сижу напротив нее и тянусь через весь стол, чтобы ее касаться. Старый холодильник фирмы «Смег» громко работает в углу.

² «Леголенд» – сеть детских тематических парков развлечений, практически полностью построенных из конструктора LEGO. – *Прим. переводчика.*

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Со мной все *в порядке*. Ничего не случилось. Не суетись.

– Ты лечишься от рака?

Она качает головой.

– Пусть лучше у меня будет несколько нормальных месяцев жизни, чем несколько паршивых лет. В любом случае вылечить они меня не могут.

– Мне очень жаль, – говорю я. – Я тебе помогу. Я сделаю все, что ты хочешь.

Она поднимает лицо и поджимает губы.

– Когда-то нам всем суждено умереть, – объявляет Пегги, и я понимаю, что она ставит точку в этом разговоре. Мое сочувствие ей не нужно. И как я могу позволить себе развалиться на части, если она так хорошо держится?

– Ты на самом деле очень плохо выглядела, – говорю я ей про то, что случилось чуть раньше. – Ты не просто так упала. Нам нужно кого-то вызвать, чтобы тебя проверили.

– Нет! – Чашка опускается на стол с глухим стуком. – Пожалуйста, Ева, не нужно. Со мной все в порядке. Сиделки и социальные работники приходят каждый день, здесь всегда кто-то есть на тот случай, если мне потребуется помощь. Пожалуйста, никому не рассказывай. Не говори Грегори. Он и так уже беспокоится из-за рака.

Грегори – это мой дядя, брат моего отца и второй сын Пегги, с которым я жила с пяти до семнадцати лет. Он всегда очень остро на все реагирует. Но, может, в данной ситуации

так и нужно. Может, это я неадекватно реагирую.

– Я должна кому-то сказать, Пегги. А что, если приступ повторится?

– Нет, пожалуйста, не надо. Прошу тебя ничего никому не говорить. Ты не понимаешь. Доживаешь до определенного возраста – и вдруг тебе не разрешают больше самой принимать решения. К тебе начинают относиться как к ребенку. – Она снова берет свою чашку, рука у нее дрожит. – Никому не расскажешь про то, как я упала?

– Наверное, нет. Если ты этого не хочешь. – Она так давит на меня, что я вынуждена пообещать, хотя прекрасно понимаю, что мне следует кому-то сообщить о случившемся.

– Спасибо, Селестина, – шепчет Пегги.

– Не называй меня так, – прошу я. – Это больше не мое имя.

– Прости. Хорошо, что ты его поменяла, но мне все еще его не хватает.

Я не отвечаю. Я не могу сказать, что тоскую по этому имени. Оно было слишком длинным и привлекало к себе внимание. Само по себе казалось важным. Как я могла исчезнуть с таким именем?

– Итак, я сказала, что хочу попросить тебя об одном одолжении, – продолжает Пегги таким тоном, который заставляет меня ее внимательно слушать.

– Да, – киваю я и думаю: «Пожалуйста, пусть только это не имеет никакого отношения к Джозефу».

– После того, как я умру... – Она сглатывает.

Мне инстинктивно хочется сказать, что она не умрет. Но я не говорю, потому что она на самом деле умрет, и мне не хочется ее перебивать сейчас и оттягивать момент, когда она готова перейти к сути.

– Кто-то должен проследить, чтобы Джозефу был обеспечен хороший уход, – объявляет она.

Я не отвечаю, и она продолжает надтреснутым голосом:

– Я знаю, что прошу у тебя очень многого, Ева. От тебя не требуется самой ухаживать за ним. Только проверяй, чтобы уход за ним осуществлялся должным образом.

– Но, бабушка, я...

– Понимаешь, я хочу, чтобы он остался здесь. В этом доме все для него обустроено. Можно нанять сиделок с проживанием. Я оставила на это деньги.

– Не думаю, что смогу, бабушка... – Я замолкаю. Есть столько вещей, которые я не могу сделать. Я не могу регулярно сюда приезжать, участвовать в уходе за Джозефом, вести себя, как его сестра.

– Ты – единственный человек кроме меня, которому не все равно, – говорит мне Пегги. – Артур его презирал. – Артур был ее мужем, моим дедушкой. Мне он никогда не нравился. Он был летчиком и почти все время отсутствовал – он или летал, или играл в гольф. Дедушка умер пару лет назад. – Твой дядя Грегори хочет, чтобы Джозеф умер. Но тебе ведь не все равно, правда? Ты – единственная, кто когда-ли-

бо его навещал. Ты же с ним разговаривала, рассказывала ему о своей жизни. Сейчас он уже не тот человек, который убил твою семью. Теперь он просто несчастный больной человек.

Это действительно так? Никто не может сказать, что сейчас происходит у него в голове, а ведь именно наш разум и мысли делают нас теми, кто мы есть. И разве кто-то остался таким же, каким был двадцать лет назад? Я не знаю, что думать, но бабушка совершенно точно хочет от меня слишком многого.

– Ему будет лучше в больнице – высказываю свое мнение я.

– Нет, Ева... Они не обеспечат ему должный уход.

– Что ты имеешь в виду?

Она медленно закрывает глаза, потом открывает снова.

– Они не считают его жизнь ценной, но она ценна. Пойдем снова в гостиную. Я тебе должна кое-что объяснить по поводу него. Все обстоит не так, как ты думаешь.

– О, только не сейчас, бабушка. Пожалуйста. Можно в другой раз? Сейчас я хочу сосредоточиться на тебе. – Я не могу снова видеть Джозефа. Пока не могу.

– Хорошо. Да, конечно. В следующий раз. Но ты проследишь, чтобы о нем хорошо заботились? Здесь, в этом доме? Пожалуйста, обещай мне это сейчас.

Она начинает волноваться, и я беспокоюсь, не станет ли ей от этого хуже.

– Хорошо, я обещаю, – говорю я.

Я снова с ней поговорю после того, как она успокоится, а я сама смирюсь с ее диагнозом. Я объясню, что не могу это сделать. Пегги говорит, что он теперь не тот человек, которым был двадцать лет назад, но это не совсем так. А я не такая, как Пегги. Я не могу его простить.

– О, моя дорогая, спасибо! – Она берет меня за руку и сжимает своей сухой холодной ладонью.

Пока я стараюсь не расплакаться, Пегги решительно рассказывает о разных вещах, кроме своего рака, – о том, как защитники дикой природы работают на болоте, о том, что возвращаются насекомые и цапли.

Но я совсем не думаю о дикой природе. Я могу думать только о том, что Пегги скоро умрет и оставит меня одну с Джозефом.

Глава 6

Я открываю входную дверь дома Пегги и выхожу во двор. Там темно, но ярко светит луна, заливая все серебристым светом. От болота идет сладковатый запах, по поверхности катятся хлопья пены. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь выбросить это слово из своей головы. *Рак*. А Пегги даже не позволяет себя лечить! Я хочу рухнуть на землю и выть, но не могу себе это позволить. Мне нужно возвращаться в приют для животных и помогать там.

Я осматриваю местность – нет ли тут подростков с телефонами, но никого не замечаю. Меня никто не должен здесь видеть, иначе они поймут, что я и есть Селестина. Они меня сфотографируют, выложат фотографии в социальных сетях, и моя тихая, спокойная жизнь пойдет прахом. Люди все еще одержимы моей семьей, даже спустя столько лет. Убийца, который находится в состоянии овоща, я, прятавшаяся со змеями, Джозеф, который уехал из дома после совершения убийств и оставил какие-то подсказки в своей игре. Невозможно противостоять искушению разобраться во всем этом, особенно теперь, когда еще и объявили эту идиотскую награду.

Пегги попросила меня проверить, как там змеи, и я не могла ей отказать, хотя мне страшно хочется побыстрее отсюда уехать. Это были змеи Джозефа, и Пегги взяла на се-

бя заботу о них после того, как перебралась жить в Красный дом. Как и их первый хозяин, они отказываются умирать. Это королевские питоны, и я выяснила, что они живут по тридцать лет, значит, они еще даже не старые. Похоже, я их обожала в детстве и спряталась в отсеке, где они жили, после стрельбы. «Странная маленькая девочка, которая пряталась со змеями». Но с той самой ночи я их боюсь.

Я иду через двор мимо старой скотобойни, которую мой отец планировал перестроить в гостевой домик. Работа так и не была закончена. Я держусь как можно дальше от старого «красного пруда», который находится рядом с этим зданием. В нем полно угрей. Мне рассказывали, что кровь убитых животных стекала в пруд и сделала его невероятно плодородным. Угрям там очень хорошо. У меня все холодеет внутри при мысли о том, как эти хищные твари скользят под блестящей поверхностью воды.

Я вижу башенки вдали. Раньше Красный дом был фермой при загородном поместье, но уже несколько десятилетий там все затоплено болотом, в том числе и первый этаж поместья. Я один раз видела фотографии старого бального зала. Огромного, отделанного мрамором, с высоким потолком. Колонны по краям вырезаны в форме нимф – частично деревья, частично женщины. Рядом с домом стоит фолли³ с

³ *Фолли* – небольшое здание в составе дворцово-паркового ансамбля, забавное или экстравагантное (поэтому иногда их называют «каприз»), обычно используемое для развлечения гостей парка. – Прим. переводчика.

башенкой, и ее все еще видно, но это здание тоже затоплено. Выжил только Красный дом на своем маленьком острове.

Я захожу в овчарню, и мне в нос сразу же ударяет запах. Muskusный, приторный, с легким флером рыбы и гниющей туши. Я иду к обогреваемому, отгороженному стеклом отсеку. Змей не видно. Но потом я резко дергаюсь, когда понимаю, что одна из них прямо у меня перед глазами обернулась вокруг одного из специально поставленных для них деревьев. У нее толстое тело с черно-золотистым узором. Сердце так часто стучит у меня в груди, словно пытается вытолкнуть меня из овчарни и подальше от змей. Я заставляю себя дышать и тут замечаю на траве еще одну змею. Как я могу сказать, все ли с ними в порядке? Что от меня ждет Пегги? Я не собираюсь к ним приближаться. По внешнему виду с ними все нормально, но откуда я знаю, как выглядит больная змея? Я разворачиваюсь и вылетаю вон из овчарни.

Оказавшись в безопасности, я наклоняюсь вперед, и меня рвет. Вот так они действуют на мое тело, реакция эта непровольная, мой мозг в этом никак не участвует. Я не должна их ненавидеть. Все случившееся не их вина.

– Эй! Вы кто? – кричат мне.

Я распрямляюсь и вижу парня лет семнадцати, направляющегося ко мне.

Вот этого я и боялась. Один из тиктокеров. Я натягиваю на голову капюшон и бросаюсь бежать, пряча лицо. Я прыгаю в машину и запираю дверцы. Включаю зажигание. Машина

один раз пыхтит и тут же глохнет. Теперь парень стоит рядом и стучит мне в стекло.

– Эй! О боже мой, ты и есть Селестина? Девочка, которая пряталась со змеями?

Машина все не заводится, хотя двигатель вроде как работает. Я стараюсь успокоиться. Машина чувствует мое настроение.

Парень исчез. Я снова поворачиваю ключ в замке зажигания, и машина заводится.

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида и замечаю, что за мной едет черная машина. «Мини»⁴ старой модели. Вероятно, он ставил ее позади овчарни, а громкая музыка, которую включала Пегги, приглушила шум двигателя. Я жму на педаль газа, увеличивая расстояние между нами. Преследующая меня машина уменьшается в размерах в зеркале заднего вида, а потом снова приближается ко мне.

– Проклятье, – бормочу я себе под нос.

Я чувствую себя дичью, на которую охотятся. Он не должен выяснить, где я живу. Я не могу допустить, чтобы Еву Тейлор, самую обычную девушку, которой я стала, связали со странной девочкой Селестиной Флауэрс – девочкой, прятавшейся со змеями и прославившейся после убийств в Красном доме. Я не могу снова стать Селестиной.

Я еду слишком быстро, но не могу остановиться или сни-

⁴ «Мини» – марка малолитражных автомобилей, разработанная в Великобритании в 1958 году. – Прим. переводчика.

зить скорость. Черная машина все еще следует за мной.

Старая дорога через болото официально закрыта. Ее слишком часто затапливало. Но если вы готовы ехать по грязи, не обращая внимания на многочисленные знаки с изображением машин, тонущих в болоте, то вы все еще можете ею пользоваться.

Въезжая в мокрую грязь, я снижаю скорость. Машина дергается. Я веду себя как маньячка. Змеи в моей голове переплетаются с этим парнем из черной машины. Я добираюсь до разбитого асфальтового покрытия дороги через болото и опять увеличиваю скорость.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Это невероятно, но он последовал за мной. Меня охватывает первобытный страх быть пойманной, и я снова газую. В детстве меня часто преследовали. Хотя другие дети говорили, что боятся меня, думают, что я могу быть такой же, как мой брат, это не останавливало их: они бегали за мной и пытались спровоцировать. Машина трясется и вибрирует, достигнув максимальной скорости, налетевший порыв ветра толкает ее в сторону. Я сжимаю в руках руль и не убираю ногу с педали газа.

Что-то быстро пролетает передо мной. Я дергаюсь, машину заносит в сторону, но мне удается снова ее выровнять. Я понимаю, что это был всего лишь пакет, который нес ветер, но он пролетел через дорогу перед моими глазами, а я сейчас уже распахивалась.

В зеркале заднего вида я наблюдаю за пакетом. Его несет

к черной машине. Что-то не так. Машина съезжает с дороги, заваливается на бок, передние колеса погружаются в грязь.

Я снижаю скорость. Останавливаюсь. Смотрю через плечо. Та машина не двигается.

Это не моя проблема. Мне следует уезжать. Бросить его здесь. Он ведь, в конце концов, сам поехал за мной по этому бездорожью. А если я пойду к нему, чтобы помочь, он может меня увидеть. Сфотографировать.

Но я не могу его бросить. Он ведь почти ребенок. Какая-то крупица порядочности заставляет меня выйти из машины навстречу ветру, который дует с болота.

Я добираюсь до черной машины. Парень навалился телом на руль, не двигается. Я мешкаю. Выглядит он плохо, поэтому я открываю дверцу машины и тянусь, чтобы проверить пульс.

Он распрямляется и хватает меня за руку. Смотрит мне прямо в глаза.

– Эй! Отвали от меня! – ору я.

– Ты Селестина?

Он явно никак не пострадал. Он хитростью вынудил меня подойти и теперь мог разглядеть мое лицо.

Я делаю шаг назад, но он продолжает держать меня за руку.

– Лучше отпусти, – говорю я.

У него сбриты волосы, густые брови и странные маленькие ушки.

– Я просто хочу с тобой поговорить, – заявляет он.

Он так и держит мою руку. Я прищуриваюсь.

– Ты понял, что я сказала? Отпусти меня.

Он не отпускает, но и не тянется за телефоном.

– Как твой брат? Он правда овощ?

При сложившихся обстоятельствах моя реакция может показаться странной, но я не выношу подобных высказываний про Джозефа. Я пытаюсь вырвать свою руку, но парень только крепче сжимает ее. Мне не уйти. Внутри меня взрывается ярость – подобно зверю, который пытается вырваться наружу.

Я врезаю ему кулаком в нос.

Он хрюкает, выпускает мою руку, ругается и хватается рукой за лицо. Между его пальцев стекает кровь. А затем резко поднимается вторая его рука. В ней телефон, и он меня фотографирует.

* * *

Я паркуюсь за несколько улиц до приюта для животных, надеясь, что приду не слишком поздно и смогу помочь с вечерними процедурами. Приют находится в пригороде Эшборна, недалеко от моего дома. Меня трясет после встречи с парнем на черной машине, рука болит. В голове крутятся только плохие мысли. Он меня сфотографировал, а у бабушки Пегги рак, и еще она хочет, чтобы я позаботилась о Джо-

зефе. С минуту я просто сижу в машине.

Я вспоминаю, каким серым стал цвет лица у бабушки Пегги. Как она может умирать? Я задумываюсь, не попробовать ли мне все-таки убедить ее согласиться на лечение. Мне нужно побольше времени с ней. Это несправедливо! Но я знаю, что это было бы эгоистично с моей стороны. Она не хочет лечиться. Она хочет несколько месяцев жить нормальной жизнью. Я всегда думала, что после смерти Джозефа у нее будет достаточно времени, чтобы пожить полной жизнью, может, попутешествовать вместе с подругой Лиз, но этого не случится. Она посвятила себя Джозефу, была при нем день и ночь, а теперь она умрет, а он будет жить дальше, если это вообще можно назвать жизнью. Я чувствую злость, я злюсь на Джозефа из-за того, что он испортил ей жизнь в дополнение к остальным уничтоженным им жизням.

Я вылезаю из машины и иду к приюту. До меня доносится сладковатый запах травы, я иду на этот запах и нахожу Мэри в сарае, где она наполняет сетки сеном для осликов. Она крупная женщина за шестьдесят. Ее темные волосы с белой прядью вечно растрепаны. Эта прядь у нее от природы и выглядит круто – такая ведьминская метка. И, что для меня важно, благодаря этой пряди Мэри можно сразу узнать. Она очень любит животных, но люди ее раздражают.

Мне тоже легко с животными, а вот с людьми возникают трудности. Если конкретнее – у меня проблема с распознаванием лиц. Мое заболевание имеет сложное латинское на-

звание. Прозопагнозия. У меня нет какой-то специфической части мозга, благодаря которой нормальные люди обладают этой невероятной способностью узнавать друг друга. Я даже членов своей семьи и друзей не могу узнать. Человек, которого я знаю с раннего детства, может подойти ко мне на улице, а я не буду знать, кто это, и ужасно его обижу.

Когда я смотрю телевизор с друзьями (что случается нечасто), они легко различают женщин с одинаковыми лицами и длинными темными волосами. По мне, это из разряда занятий квантовой физикой – мне не понять, как они это делают. Поиск людей в толпе для меня подобен поиску камушков на пляже – ты видишь, что они все разные, но это не означает, что ты их узнаешь.

Я читала блоги товарищей по несчастью, которые открыто говорят о том, что не распознают лица, но до их друзей это все равно не доходит. Думаю, что нормальным людям это на самом деле сложно представить. Но, конечно, если вы перестанете переживать об этом, вы поймете, насколько вы уникальны. В любом случае я не собираюсь ни с кем делиться этой информацией, потому что это небезопасно. Представьте, какой уязвимой я стану. И как эту мою особенность можно использовать.

Когда я была младше, я считала, что большинство людей такие же, как я, а моя тетя Делла просто гений в распознавании лиц, но потом я поняла, что она-то как раз нормальная, а у меня есть этот недостаток. На самом деле это не так ред-

ко встречается, просто у меня особенно тяжелый случай. По большей части люди скрывают эту свою особенность по тем же причинам, что и я. Опасно, чтобы люди об этом знали.

Поэтому мы с Мэри подходим друг другу: я не знаю, кто есть кто, а она знает и все равно их не любит.

Одна из кошек, проживающих в сарае, сидит на плечах у Мэри. Это рыжая Глициния, потому что она обожает карабкаться вверх⁵, в основном по людям. Но мы считаем ее забавной. Сейчас она впилась Мэри в спину и сидит там, пока Мэри достает сено из вьюка. Мэри поднимает голову, бросает на меня взгляд, затем отворачивается и кладет немного сена в сетку. Похоже, она не заметила, что я расстроена.

– С вами все в порядке? – спрашиваю я.

– Да, все отлично. – Мэри яростно выдергивает сено из вьюка. – Я просто иногда не понимаю тебя.

У меня все сжимается внутри. Что я сделала? Сегодня я больше ничего не вынесу.

– Ну, я вас тоже не понимаю, – отвечаю я. – Поэтому мы квиты.

Мэри поднимает голову и смотрит на меня. Вероятно, ее удивил мой тон. Затем она осторожно встает. Она пытается спустить Глицинию на землю, но стоит Мэри наклониться вперед, как Глициния виснет у нее на груди, впившись когтями.

– Чертова кошка! – кричит Мэри, хотя я знаю, что она ее

⁵ Глициния – вьющееся растение, относится к лианам. – Прим. переводчика.

обожает. Кошка спрыгивает.

– Выкладывайте, Мэри, – говорю я. – У меня был ужасный день, и я могла бы без всего этого обойтись.

Глициния начинает взбираться вверх по моим брюкам, я наклоняюсь, чтобы ее подхватить, пока она мне все ноги не расцарапала.

Мэри распрямляется и поворачивается ко мне, потирая поясницу.

– Я знаю, что мы здесь не очень хорошо умеем общаться с людьми, но ты же должна понимать, что Верити Синглтон – это наш самый главный спонсор, и мы должны пресмыкаться, кланяться и шаркать ножкой в ее присутствии?

– Да, – киваю я.

Мэри шьет одежду для маленьких собачек – таких, которых знаменитости носят в сумочках. Это занятие как-то не вяжется с ее характером, но она украшает ее пайетками, стразами, «мотивирующими» фразочками о собаках, и выглядит все это очень неубедительно. Но дело в том, что одежда для собачек продается за большие деньги. Верити берет ее большими партиями, продает в интернет-магазине и передает всю прибыль приюту, а также просто каждый месяц жертвует нам деньги. Верити – наша супергероиня.

Глициния трется головой о мой подбородок. Из пасти у нее пахнет рыбой.

– Она приходила на прошлой неделе, – продолжает Мэри. – Она не ожидала, что к ней отнесутся, как к обычной

посетительнице.

«О боже!» Я чувствую, как краснею – краснота от груди поднимается к лицу, которое я прячу в густой шерсти Глицинии. Женщина, которая приходила на прошлой неделе. Это была Верити Синглтон.

– Я не... – я осеклась. Что я могу сказать Мэри? Что не узнала Верити? Она не поймет. Если только не объяснить ей, какая для меня проблема запоминать и распознавать лица, но даже и тогда, возможно, Мэри не поймет.

Мэри начинает наполнять следующую сетку, решительно заталкивая в нее сено. Глициния впивается когтями мне в шею.

– И ты сказала ей, что Умберто отлично себя чувствует в своем новом доме, когда ты прекрасно знала, что его пришлось усыпить, – говорит Мэри.

– Я не думала, что это была...

Я понятия не имею, что сказать. Чертова баба не представилась. Она тут появилась, как случайная посетительница, которая просто видела Умберто, одного из наших котов, на нашей странице в Фейсбуке⁶. Я не посчитала нужным рассказывать ей обо всех его болезнях и о нашем решении его усыпить. Люди критикуют нас за усыпление и также критикуют нас, когда мы тратим тысячи фунтов стерлингов на од-

⁶ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

но животное, да и такие новости в социальных сетях моментально распространяются, и начинается настоящее безумие.

– Я не поняла, что это была она, – наконец говорю я. Верити носит короткую стрижку, у нее светло-русые волосы и стандартное лицо. Таких вообще не должно быть.

Мэри раздраженно вздыхает.

– Как ты могла не узнать ее? Как такое вообще возможно?

На заднем фоне хрюкают свиньи, как бы поддерживая ее позицию.

Мне хочется огрызнуться. Сказать ей, что у меня умирает бабушка. И она сама тоже не умеет общаться с людьми. И если Верити Синглтон так легко обидеть, то и Мэри с таким же успехом могла вывести ее из себя. Но я очень болезненно отношусь к проблемам распознавания лиц.

В голове всплывает воспоминание. Я стою у школьных ворот, мне около восьми лет. Я знаю, что тетя Делла должна была за мной приехать, утром на ней было розовое платье, но у ворот нет ни одной женщины в таком платье. Большинство мам блондинки или брюнетки, а Делла рыжая, поэтому, когда я вижу женщину с длинными рыжими волосами, я бегу к ней и хватаю ее за руку. Женщина издает странный звук и смотрит на меня сверху вниз.

– О, это Селестина? Боже праведный! – восклицает она.

Она бросает мою руку. Потом подходит еще одна женщина, судя по всему, это настоящая тетя Делла, она на грани слез, извиняется перед этой женщиной, которую я схватила

за руку, и говорит: «Я не знаю, почему она так делает. Конечно же, это ведь не мой ребенок», потом она хватает меня и орет: «Почему ты такая неблагодарная? Ты знаешь, от чего я отказалась, чтобы растить тебя?» Я рыдаю, понимая, что другие дети стараются гораздо больше, а я лентяйка и эгоистка, как все и говорят. И никому не приходит в голову, включая меня саму, что я не распознаю лица, как все остальные люди.

Я крепче прижимаю Глицинию. Большинство кошек не переносят подобное отношение, но Глициния сама агрессивна навязчива с проявлением симпатии, поэтому терпит. Мне гораздо проще различать животных – у них шерсть разного цвета, они имеют какие-то особенности, метки, да и им в любом случае плевать, узнала я их или нет.

Я жутко струсила из-за случившегося.

– Мне очень жаль, Мэри, – говорю я. – У меня в тот день была мигрень. У меня в таких случаях затуманивается зрение и голова плохо работает.

У меня никогда не бывает мигрени, у меня в принципе никогда не болит голова, даже когда я страдаю от похмелья. Но люди понимают, что такое мигрень, и не понимают, что такое лицевая слепота. Я читала книгу про человека вроде меня, а рецензент на Амазоне заявил, что это «все выдумки». Словно ему было лень погуглить, что это за расстройство, это отняло бы совсем немного времени, зато он бы во всем разобрался. Я не знаю, почему лицевая слепота почти не об-

суждается, учитывая, насколько она распространена. Может, через некоторое время начнется массовая кампания и куча знаменитостей признаются в том, что никогда не знали, с кем общаются, это станет модным, и люди поймут, что именно со мной не так, и я смогу больше не скрывать свою проблему. Но до тех пор я буду молчать.

– Верити прекратила делать пожертвования и не взяла последнюю партию одежды для собак. – Мэри опускается на тюк сена. Весь гнев ушел, сил ругаться у нее больше нет. – Я не знаю, как мы будем выживать. И она еще написала в Фейсбуке, что мы ввали про Умберто, и люди теперь считают нас котоубийцами. Другие люди тоже прекратили переводить деньги. А ты знаешь, как взлетели цены, и арендную плату нам снова подняли.

– О боже, Мэри, мне на самом деле очень жаль. – Я приближаюсь к ней, но не знаю, как ее успокоить. Приют для животных – это все для нее. Если бы нас вынудили закрыться, думаю, она бы просто легла на землю и умерла.

– Честность всегда лучше и проще всего, Ева, – объявляет она с таким видом, будто она Мастер Йода⁷ или какой-то подобный персонаж. Это показывает, как мало она знает о моей жизни.

Я слышу, как один из осликов пинает металлическую дверь стойла, очевидно, ему не нравится, что мы так долго

⁷ *Мастер Йода* – персонаж «Звездных войн», который обучал Люка Скайуокера, одного из главных героев. – *Прим. переводчика.*

разносим сено.

– Мне наполнить эту сетку? – предлагаю я.

Мэри игнорирует и меня, и нетерпеливого осла.

– Теперь люди относятся с недоверием к благотворительным организациям, – продолжает она. – Чуть что – и они прекращают нам помогать. Возможно, нам придется закрыться. Я уже задержала арендную плату за поле и платежи поставщику кормов. И что тогда будет с животными?

Я понимаю, что она вот-вот расплатится, я этого не вынесу.

– Я принесу немного денег и еды, – говорю я, хотя у меня нет ни денег, ни кормов. – Мы выживем, обещаю.

* * *

Я ставлю машину примерно в двух улицах от моего дома. Это уже вошло у меня в привычку – вдруг за мной кто-то следил? Но на этот раз никого не видно. Я иду по узкой улице, на которой стоят кирпичные многоквартирные дома с общими боковыми стенами, и добираюсь до своей входной двери. У меня крошечный домик, в котором не проводилась никакая модернизация. На окнах образуется наледь, туалет древний, в том помещении даже нет раковины, но мне все равно пришлось внести невероятно большой первый взнос. Платила Пегги.

Я осторожно захожу в дом. Мои цветы стоят у окна, тапки

– у входной двери, там, где я их оставила. В доме тихо, он производит впечатление места, где на протяжении всего дня никто не нарушал тишину и покой. Только холодно, словно холод вьелся в стены дома.

Я варю себе кофе и сажусь за кухонный стол со своим ноутбуком. Слезы катятся у меня по щекам, когда я гуглю «рак яичников» и кликаю одну статью за другой. Я чувствую себя ужасно, не имея достаточно информации о состоянии Пегги, чтобы что-то выяснить. Какая у нее стадия? Как сильно распространился рак?

Сомневаюсь, что смогу с этим справиться. Потери сопровождали меня всю жизнь, определяли ее. Как только я выросла достаточно, чтобы что-то понимать, я узнала, что всю мою семью убили. Я узнала, что у меня были мама и папа и совсем еще маленький брат, которого я, вероятно, очень любила, но даже не помню, потому что не помню день убийства и все, что ему предшествовало. Вероятно, это реакция на травму. От отсутствия воспоминаний все только хуже. Мне сказали, что у меня была семья, но в памяти не сохранилось никаких образов, за которые можно было бы зацепиться. Я также узнала, что их всех убил мой старший брат – никто даже не пытался это от меня скрыть. Поэтому, возможно, и хорошо, что я ничего не помню, потому что, похоже, я была свидетельницей всего этого.

Прямо в центре меня, где живут эти знания о моей семье, чернеет пустота. Она бесформенная, бесцветная, но очень

тяжелая, словно черная дыра в душе, которая высасывает радость из всего, что я делаю и ощущаю. В последнее время она как будто стала легче. Я начала радоваться мелочам. Книгам в магазине, животным в приюте, дружбе с Маркусом, даже общением с хмурой Мэри. Но мысль о том, что Пегги умирает, поставила все это под угрозу. Я чувствую, как пустота растет и снова становится тяжелее.

Я встаю и отворачиваюсь от ноутбука. Вынимаю один из цветков из вазы на подоконнике и обрываю у него лепестки. Это желтая роза, от нее пахнет мускусом. Лепестки падают на пол. Я сжимаю стебель, шипы прокалывают мои ладони. От боли мне становится лучше. Когда я вижу каплю крови на грязном линолеуме, я разжимаю ладонь, и стебель падает на пол.

Я снова сажусь и смотрю на свою ладонь. Она пульсирует. Я тянусь за бумажной салфеткой и прижимаю ее к ране.

Одной рукой я набираю в поисковике мои старые имя и фамилию. Устанавливаю параметры поиска на «Последние двадцать четыре часа». Вот оно, в Инстаграме⁸. #Девочка-СоЗмеями. #УбийстваВКрасномДоме. Размещена моя фотография – я бегу к машине парня, когда думала, что он пострадал, и вторая – он сфотографировал мое лицо сразу после того, как я ему врезала. Сложно сказать, похожа я на ней

⁸ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

на себя или нет. Освещение плохое, да и снимок размытый. Комментарии очень разные: от «Боже мой!» до скептицизма и откровенного неверия. Я захлопываю крышку ноутбука.

Похоже, мои относительно спокойные годы жизни под именем Евы подходят к концу. Я всегда думала, что, если выяснится, кто я такая, я откажусь от образа Евы и, как птица феникс, появлюсь в новом месте с новыми именем и фамилией. Мне придется отказаться от хорошей работы в книжном магазине, а что будет с приютом для животных без меня? Мысль о том, что я больше не увижу Глицинию, ранит меня больше всего. Что это говорит обо мне? Я не знаю, только эта боль кажется более реальной, чем расставание с Маркусом и Мэри.

Может, мне следует просто принять это все. Сказать всем, кто я. Но я помню, как люди со мной разговаривали. С жалостью, восхищением, некоторой долей отвращения, а иногда и со страхом, словно моя трагедия могла оказаться заразной. Я не смогу со всем этим справиться вновь. Я иду наверх, чтобы перекрасить волосы в черный цвет.

Глава 7

На следующий день в книжном магазине затишье, так часто бывает, и я опасаюсь, что Маркус поймет то, что давно уже очевидно мне – он не может позволить себе держать помощницу, даже на неполную ставку, в особенности такую, которая прячется от покупателей.

Я провожу утро, забираясь в самые темные уголки, где больше всего пауков, чищу тут все и мою, чтобы магазин блестел, как только может магазин, полный пыльных старых книг. Таким образом я оправдываю свое пребывание здесь, по крайней мере, для себя самой. Маркус в это время находится в центре торгового зала. Я думаю про рак у Пегги и про то, как она упала, эти мысли заполняют все мое сознание, я паникую и думаю, что мне следовало позвонить врачу. Я решаю навестить Пегги сразу после работы, несмотря на то что меня тошнит от одной мысли о возвращении в Красный дом. Я проверю, как Пегги себя чувствует, и скажу ей, что не могу взять на себя ответственность за Джозефа. Мне вообще не следовало на это соглашаться.

В обеденный перерыв я иду к банкомату и снимаю мои последние сто фунтов, чтобы отдать Мэри на животных. Это своего рода наказание за потерю поддержки Верити Сингльтон. Не уверена, что мне хватит денег, чтобы дотянуть до зарплаты.

Позднее в тот же день я ставлю книги на верхнюю полку книжного стеллажа в секции политики, стоя на стремянке. Стеллаж начинает слегка покачиваться. В нашем магазине много чего покачивается, и я как-то не сообразила, что стеллаж должен быть прикреплен к стене, а он явно никак не закреплен. Я отмечаю про себя, что с этим нужно разобраться позднее, и продолжаю расставлять книги.

Меня пугает какой-то шум. Кто-то вошел в этот отдел, несмотря на то что тут стоят только очень скучные книги. Тонкий памфлет об этике Консервативной партии выскальзывает у меня из руки. Я теряю равновесие и хватаюсь за полку, на которую выставляла книги. Получается не очень грациозно.

Стеллаж наклоняется в мою сторону. Мгновение тянется очень долго, и я думаю о том, что он сейчас на меня свалится и я умру, буквально раздавленная весом современной политики. Я стараюсь ухватиться за полку и удержаться на стремянке. Человек, который только что зашел в этот отдел, кричит «Боже мой!» и прыгает ко мне, чтобы помочь. Совместными усилиями мы каким-то чудом возвращаем стеллаж на место.

Я спускаюсь со стремянки и смотрю на своего спасителя. К моему огромному удивлению, я его узнаю. Это постоянный покупатель. Этому мужчине за двадцать, и у него на скуле набита маленькая татуировка в виде листа. Я люблю татуировки на лице, мне хотелось бы, чтобы они были у всех

людей, желательно с их именами. Листик маленький, сделан со вкусом, и для меня он справляется со своей задачей. Может, поэтому мне всегда было комфортно с этим мужчиной, пусть мы и разговаривали с ним только на тему книг и никогда не заходили дальше. Но наши постоянные покупатели хорошие люди. Они знают, что могут купить все дешевле в интернете, но все равно приходят в наш магазин.

Мужчина хмурится и спрашивает:

– С тобой все в порядке?

Я смахиваю паутину со своих волос, надеясь, что там нет паука.

– Да, все нормально. Не беспокойся. Вообще-то стеллаж прикреплен к стене. Наверное, что-то открутилось. Мы это исправим. Спасибо за помощь.

– Всегда готов. Я не могу стоять и ничего не делать, когда кто-то у меня на глазах превращается в Плоского Стенли⁹.

Я смеюсь.

– Ты знаешь эти книги?

– Да. Я думаю, что эта идея понятна всем, чьи родители не особо заморачивались с мелким домашним ремонтом. Все мое детство на меня падали разные вещи.

– И у меня все было точно так же.

⁹ *Плоский Стенли* – герой одноименной книги Джефа Брауна. На него упала доска для фотографий и плакатов, расплющила и сделала плоским. Он выжил, и у него появились необычные способности. Например, он может прикинуть-ся картиной на стене и помочь полиции ловить похитителей картин из музея. – *Прим. переводчика.*

Я наслаждаюсь этими мгновениями, когда могу чувствовать себя нормальным человеком, даже если у меня в волосах сидит паук. Я знаю, кто этот человек, неважно, что я не знаю, как его зовут, потому что он никогда мне не представлялся. Он не понимает, что если бы книжный шкаф свалился мне на голову в детстве, то это было бы скорей приятным происшествием.

– Меня зовут Зак. – Он протягивает руку.

– Ева.

Моя рука вся в пыли, но его, похоже, это не волнует. Я чувствую легкую дрожь в животе. Вероятно, это реакция на то, что я была на волосок от смерти.

Я опускаю руку.

– Мне нужно работать. Вероятно, тебе не следует оставаться в этом отделе. Или сегодня душа требует каких-то политических откровений?

– Могу переключиться на орнитологию.

– Отлично. В том отделе все полки прочно закреплены.

Я снова пытаюсь очиститься от паутины и отступаю в центр торгового зала, там сообщаю Маркусу про стеллаж и предлагаю заново закрепить его на стене.

– Звучит жутко, – бросает Маркус небрежным тоном, а ведь меня чуть не расплющило. – У тебя в волосах пыль. Давай я заварю тебе чашку чая и отрежу кусок пирога.

Маркус отправляется в заднюю часть магазина, я остаюсь у кассы. Я отодвигаю в сторону вазу с цветами, которую там

поставила. Мне нужно окружать себя цветами, и еще у меня есть пунктик – менять им воду каждый день. Когда у меня выходной, я забираю цветы домой. Маркус к этому нормально относится, хотя они его, вероятно, раздражают и мешают. Может, все дело в том, что они созвучны с моей настоящей фамилией¹⁰. И вообще во всем этом может быть что-то трогательно фрейдистское.

Зак-толкатель-стеллажей подходит к кассе с парой книг о семействе врановых¹¹. Я-то подумала, что он шутит по поводу орнитологии.

– Увидимся, – говорит он перед тем, как уйти, и очень мило мне улыбается. При этом татуировка у него на скуле слегка морщится.

Я смотрю на него и втыкаю себе в руку с внутренней стороны конец скрепки. Он не может мне нравиться – у меня все работает по-другому.

Я открываю коробку с новой книгой, о которой все только и говорят в этом месяце. Это нон-фикшн. «Никогда не поздно иметь счастливое детство» Джонатана Стейвелла.

– О, Джонатан, я думаю, что иногда бывает поздно, – бормочу я себе под нос, вынимаю несколько книг и думаю о том, как их расставить.

Возвращается Маркус с чаем и куском непонятного пиро-

¹⁰ Фамилия Евы в период, пока она еще была Селестиной, – Флауэрс, от английского слова flower, означающего «цветок». – *Прим. переводчика.*

¹¹ Семейство врановых – вороны, сороки, галки. – *Прим. переводчика.*

га.

– Мне нужно бежать – купить кое-что для ужина, – объявляет он. – Я собираюсь печь пирог с дичью. И мяснику очень не понравится, если я приду прямо перед закрытием. – Затем он смотрит на меня и спрашивает: – С тобой все в порядке, Ева?

Скрепка выпадает у меня из руки.

– Просто устала. Вы собираетесь приготовить ужин по какому-то особому случаю?

– Ох! М-м, не совсем. – Он выглядит смущенным. – Мне не следовало бы это говорить. Не хочу тебя грузить.

– В чем дело, Маркус?

Он ставит обе чашки на прилавок, втискивая между моими цветами и стопкой книг о счастливом детстве, и скрещивает руки.

– Я планирую сделать Серене предложение.

Я не уверена, что верно расслышала. Они знакомы всего несколько месяцев. Я мысленно повторяю его слова, и выходит то же самое. Может, в их возрасте все понимаешь гораздо быстрее. Маркусу за пятьдесят, Серена, думаю, лет на десять помладше. Может, ей сорок?

– О боже, это так здорово! – восклицаю я с небольшим опозданием и издаю странный смешок. Серена мне не нравится. У нее одновременно получается быть скучной и ершистой.

– Я уверен, что все сделаю не так, – говорит Маркус. – Я

купил кольцо. Это не слишком самонадеянно?

– А вы прощупали почву? – Мне хотелось бы выразить сомнение насчет того, как мало времени они знакомы, но это кажется неприличным.

– Самонадеянно, да? Мне не следовало покупать кольцо.

– Но ведь кольцо обычно покупают, правда? Я на самом деле не знаю. Но ведь вы же не написали свое предложение на плакате и не собираетесь свешивать его с самолета.

– Нет, никаких самолетов не планируется.

– Вы не собираетесь делать предложение в каком-то общественном месте? Например, в ресторане. Я всегда считала, что это несколько навязчиво и агрессивно. С другой стороны, я, очевидно, совсем неромантична.

– Нет, ты права. Я бегу впереди паровоза. Готовлю изысканный ужин и все такое. Она почувствует себя обязанной сказать «да». Следовало вначале осторожно ее расспросить.

– Вероятно, у вас все получится. Не слушайте меня. Я совершенно не разбираюсь в этих вопросах.

Он выглядит гораздо более обеспокоенным, чем когда мы только начали этот разговор.

У меня звонит телефон.

– Черт побери! Простите, – извиняюсь я.

Маркус подсказывает и, вероятно, испытывает облегчение от того, что может сбежать и не слушать моих советов.

– Все в порядке. Лучше ответь.

Я достаю телефон из кармана и чувствую прилив адрена-

лина. Это дядя Грегори. Он никогда мне не звонит. Мы от-
далились друг от друга после того, как я восемь лет назад
съехала от них с тетей Деллой.

Я прикладываю телефон к уху.

– Ева... э-э-э... – Голос Грегори звучит как-то странно.

– В чем дело? – спрашиваю я. – Случилось что-то плохое?

Он громко откашливается.

– Да. Да, боюсь, что так. Твоя бабушка. Пегги. Она... ну,
в общем, она умерла.

Я наклоняюсь вперед и начинаю задыхаться. Пегги не мог-
ла умереть! У меня в ушах начинает шуметь.

– Что ты такое говоришь? Как она может быть мертва?

Пауза. Затем Грегори сообщает:

– Вероятно, она кормила этих чертовых угрей и поскольз-
нулась. Она лежала в пруду.

Я пытаюсь это представить, но мой мозг не дает мне это
сделать.

– Но она не могла...

– Она свалилась в него и утонула. Вероятно, ударилась го-
ловой. Я так думаю.

Он спокоен. Я не знаю, почему он так спокоен, когда умер-
ла его мать.

– О боже, – шепчу я. – Я еще вчера думала, что с ней что-
то не так.

– Что не так? Что с ней было не так?

– Она упала. Выглядела как-то странно.

– Ты врача вызвала? Вероятно, она снова упала, но на этот раз в пруд.

– Она заставила меня пообещать, что я не стану никого вызывать, – отвечаю я шепотом.

– О, Ева. Нельзя ее слушать. Она может заставить пообещать что угодно.

– Мне очень жаль.

Мне нужно объяснить, что я хотела кого-то позвать, а Пегги умоляла меня этого не делать. Но в горле у меня пересохло, и я не могу произнести ни слова.

Пока я пытаюсь выжать из себя хоть слово, Грегори спрашивает:

– Почему ты никому ничего не сказала, Ева? Ты же знаешь, какой была твоя бабушка. Ты явно совсем не изменилась, такая же легкомысленная и безрассудная, и это просто приводит меня в отчаяние.

Мне нечего ему ответить.

– Джозефа отправили в дом инвалидов, – продолжает Грегори. – Я поражен, что мне так быстро удалось найти место. Бог знает, почему моя мать заранее об этом не позаботилась.

– Она хотела, чтобы он остался в Красном доме, – шепчу я. – И чтобы я всем занималась.

– Чушь какая. В любом случае боюсь, что владелец дома инвалидов знает, кто он. Мы не могли его туда отправить, не назвав адреса, ну и... ты понимаешь. Но никто из врачей и обслуживающего персонала не знает.

И так понятно, что это только вопрос времени. Вскоре они все будут знать.

Я заканчиваю разговор, все еще пытаюсь привести дыхание в норму.

Внезапно передо мной оказывается Маркус, касается моей руки.

– Что случилось, Ева?

– Моя бабушка. Бабушка Пегги умерла, – отвечаю я.

У него округляются глаза, и он хватается за край стола.

– О боже!

Маркус хороший человек – очень эмпатичный. Он выглядит расстроенным не меньше меня.

– Тебе нужно выпить сладкого чая, – объявляет он. – Я сейчас еще заварю.

– Мы же только что пили. И вам нужно идти за покупками.

Но он уже исчез. Я смотрю на свои цветы. Среди них есть белая маргаритка с ярко-желтым кружком в центре. Я пытаюсь сосчитать лепестки. Но в мои мысли врывается Пегги, танцующая в гостиной Красного дома. Я знала, что что-то не так. Мне следовало позвонить врачу или хотя бы склонному паниковать на ровном месте дяде Грегори. Он имеет право злиться. И оказывается, что он довольно спокойно реагирует на настоящие трагедии.

Маркус возвращается с двумя чашками чая и вручает одну мне.

– С тобой все в порядке?

Я киваю и делаю маленький глоток. Он положил в него столько сахара, сколько я вчера Пегги, и его просто невозможно пить.

– Да. Я просто... я просто видела ее только вчера. – Здесь мне следовало бы сказать: «Казалось, что с ней все в порядке». Вот только она не выглядела как человек, с которым все в порядке, а я ничего не сделала, чтобы ей помочь. Она говорила о том, что хочет начать делать то и это, снова танцевать, а теперь она мертва. – Она... Это ужасно. Она упала и утонула.

Маркус выглядит убитым.

– О боже!

– Простите, Маркус, – говорю я. – Вам не нужно слушать об этом в такой важный для вас вечер.

– Не говори глупости.

– Со мной на самом деле все в порядке. Честное слово.

У меня вырывается истеричный смешок, который совсем не к месту, и Маркус слегка качает головой.

– Не нужно притворяться, что все нормально, Ева. У тебя умерла бабушка. Ты имеешь право на эмоции.

Я улыбаюсь сквозь слезы.

– Не надо мне ваших хиппи-штучек.

Я ненавижу, когда мне говорят, что я имею право на чувства. Моя тетя Делла всегда так говорила, и я знала, что она имеет в виду только *определенные* чувства, а не те, которые я на самом деле испытывала.

Дома я достаю бутылку пива из холодильника, иду в гостиную, падаю на диван и рыдаю. Вместо того чтобы открыть пиво, я прижимаю бутылку к животу, словно холодное стекло может меня успокоить. Пегги больше нет.

Я лежу на боку в позе эмбриона. Я оплакиваю не только Пегги, а еще и моих маму, папу и маленького брата, который вообще не успел пожить, он даже не успел научиться ходить и говорить. Я не могу представить их лица, у меня даже приличных фотографий не осталось. Они сгорели в огне. Несколько фотографий нашлись у тети и дяди, но они не были хорошими. Я уверена, что из-за этого я чувствую себя еще более одинокой. Такое ощущение, что у меня вообще никогда не было семьи, а теперь еще и Пегги не стало.

Конечно, у меня есть еще один член моей семьи, который лежит в доме инвалидов в полном одиночестве, хотя я обещала о нем заботиться. Я помню, как Пегги что-то пыталась мне сказать по поводу ухода за ним. Говорила, что все не так, как я думаю. Я не должна была от нее отмахиваться, но я считала, что у нас еще есть время.

Неожиданно у меня пробуждаются теплые чувства к Джозефу, я вспоминаю, как любила его в детстве. Возможно, мне так отчаянно хочется иметь семью, что подойдет даже он.

Я заставляю себя сесть. Ткань дивана промокла от моих

слез, красные цветы на обшивке потемнели. Я вспоминаю, как нашла этот диван, брошенный на шоссе, и убедила Маркуса помочь мне донести его до моего дома. Он не переставая ныл, что он тяжелый, до самого моего дома, а потом еще несколько дней хватался за спину. Он нашел в магазине первое издание «Добываек»¹² и подарил его мне со словами: «Они тоже собирали мебель по помойкам». Но я не жалею. Я лучше потрачу деньги на сено и кормовые гранулы для свиней, чем на вещи с непроизносимыми названиями из «ИКЕИ», на сбор которых у меня уйдет часов восемь.

Я высмаркиваюсь и включаю телевизор, щелкаю по каналам в поисках чего-нибудь, что помогло бы мне отвлечься, но все люди выглядят одинаково, и я начинаю злиться. Почему они выбирают актеров с одинаковыми лицами, а потом еще делают им одинаковые прически?

Я никогда не говорила Пегги про свою лицевую слепоту, но она, похоже, понимала, что у меня есть трудности. Она меня никогда не критиковала. Я могла делать что угодно, и даже если это было ужасно, я знала, что она все равно меня любит. Я помню, как меня обвинили в нанесении травмы мальчику, который издевался надо мной. Я не делала этого, но, похоже, мои тетя и дядя винили меня в случившемся. Бабушку Пегги совершенно не волновало, что случилось и чья это вина. Она всегда меня поддерживала. Никто, кроме

¹² «Добывайки» – детский фантастический роман английской писательницы Мэри Нортон (1952). – *Прим. переводчика.*

нее, меня никогда не поддерживал.

Я переключаю телевизор на музыкальный канал, звучит «Вперед», которую исполняют «Джизус и Мэри Чейн»¹³, я увеличиваю звук. Дядя Грегори и тетя Делла всегда ненавидели музыку, которая мне нравилась, но, наверное, это нормально. Я никогда не знала, из-за чего мы спорим и ссоримся – из-за моего переходного возраста или из-за того, что все в моей жизни так запутано, а я сама в смятении. Я беззвучно ей подпеваю. Что-то про то, что герой мог бы умереть и ему все равно, песня как раз под мое настроение.

Я иду к книжному шкафу в дальней части комнаты и достаю альбом, посвященный Бенджи. Я опускаюсь на пол и пролистываю его. Первую фотографию мои родители, вероятно, отправили Грегори и Делле, когда мой младший брат только родился. Он весь розовый, даже напоминает по цвету сырое мясо – словно с него сняли кожу. Затем идут фотографии светловолосого малыша в детском бассейне, его лицо светится от счастья, когда он ладошками бьет по воде. Мальчик в первый день в школе, форма ему велика. Побеждает на соревнованиях по гимнастике примерно в восемь лет. Играет с лохматым щенком дворняжки. На пляже строит замок из песка, борется с безжалостным приливом.

Конечно, Бенджи изображен только на первой фотографии. Я это знаю. У него никогда не было щенка и детского бассейна, он никогда не побеждал ни в каких соревнованиях

¹³ «Head on» The Jesus and Mary Chain – *Прим. редактора.*

и не купался в море. Эти светловолосые мальчики вырезаны из журналов.

Я прикасаюсь к лицу мальчика на пляже. Глажу его по щеке. Притворяюсь, что он на самом деле мой брат. Я долго сижу и не отрываю взгляд от этого мальчика. Я пытаюсь рыться в своей памяти, но там ничего нет. Я не помню Бенджи. Я говорю себе, что он, по крайней мере, не страдал. Его никогда не третировали и не изводили, его никогда не сторонились друзья, его никогда не предавали, и он не остался сиротой. Он не знал потерь. Его жизнь оказалась короткой, но он этого тоже не знал. Может, действительно лучше быть тем, кто не выжил.

У меня звонит телефон. Неизвестный номер, но местный. Я отвечаю, голос у меня дрожит.

– Ева Тейлор? – Женщина, голос звучит официально.

– Да.

– Меня зовут доктор Патель. Я звоню из «Гринакра», дома инвалидов, где сейчас находится ваш брат.

На мгновение меня охватывает паника – она знает, кто я! Но ее голос звучит профессионально, нет никакого придыхания.

– Да, – опять говорю я.

– Не могли бы вы приехать к нам и обсудить условия его содержания?

«Нет. Пожалуйста, нет». Я не могу говорить.

– Мисс Тейлор? – напоминает она о себе.

– О, на самом деле нет... Вы можете просто продолжать заботиться о нем, как делаете сейчас?

– Боюсь, что необходимо принять кое-какие решения. Нам нужно поговорить со всеми близкими родственниками вашего брата. Как насчет завтрашнего утра?

Завтра утром я не работаю, но мне хочется сказать, что это слишком рано, что я не могу. Но все равно я соглашаюсь.

Глава 8

Я просыпаюсь рано утром под звук дождя, который бьет в створчатое окно моей спальни. Ломик лежит рядом под одеялом. Это единственная вещь, с которой я когда-либо делила постель на протяжении всей ночи. Я уверена, что если буду спать без оружия, то кто-то обязательно придет в темноте и убьет меня. Это ужасное чувство. Иногда я лежу и прислушиваюсь к мышам, которые скребутся под половицами, и представляю, как некто поднимается по лестнице, приближается к моей комнате с огнестрельным оружием в руке. Ломик не поможет мне, но благодаря ему я чувствую себя немного лучше. Как бы мне хотелось чувствовать себя дома в безопасности. Единственное место, где мне по-настоящему комфортно, – это книжный магазин, когда я там вместе с Маркусом. Я знаю, что это кажется глупостью. В конфликтной ситуации этот старый хиппи бесполезен.

Я принимаю душ и одеваюсь. Неважно, как я себя чувствую. Мне нужно отправиться в дом инвалидов и увидеть Джозефа. Не могу до конца поверить, что я оказалась в такой ситуации. Последние восемь лет мне удавалось не думать о нем, я стала другим человеком, с новыми именем и фамилией, а не единственной выжившей в кровавой бойне. Теперь все это ускользает.

Я сушу недавно выкрашенные, теперь черные волосы и

накладываю на лицо тональный крем. Я крашусь не потому, что меня волнует, как я выгляжу, а потому, что таким образом я могу легко изменить свою внешность, да и какой-то особый цвет помады помогает мне, по крайней мере, быстро узнавать себя на фотографиях и в зеркале. Люди, вероятно, думают, что я люблю привлекать к себе внимание. Ха!

Из-за того что дома у меня влажно, одна из карт отклеивается от стены в углу. Я обклеила стены в спальне картами местности, где живу. Я рассматриваю их, изучаю и стараюсь их запомнить. С навигацией у меня тоже плохо. Я всегда ношу с собой компас – настоящий компас, не тот, который в телефоне, и научилась запоминать направления, чтобы не ходить всю жизнь кругами.

Я завариваю себе чашку чая и делаю тост. Я намазываю тост джемом, а потом достаю банку с мармайтом¹⁴ и его тоже намазываю. Я знаю, что так получится отвратительно, но все равно намазываю. Я ем этот тост, потом меняю воду цветам и выхожу из дома.

У соседнего дома в машину садится женщина. Она глядит на меня, а я провожу свой обычный осмотр. Волосы, нос, брови, уши. Я не видела, как она шла. Я не знаю, знакомы ли мы. К этому я так и не привыкла. У меня в голове бешено вертятся шестеренки, и я говорю «Здравствуйте», все еще не

¹⁴ *Мармайт* (Marmite) – торговая марка бутербродных паст одноименной компании, производимых в Великобритании. Слово стало нарицательным, как джакузи, памперс и т. д. – Прим. переводчика.

зная, знакомы ли мы, но она больше не смотрит на меня.

Я еду из Эшборна на восток по извилистой дороге, которой по большей части пользуются краснорожие мужики в «Рейндж-Роверах», они любят прижиматься так близко к машине перед ними, словно эта машина тянет их на буксире. У меня старый автомобиль, на приборной панели горят несколько оранжевых лампочек, под которыми стоят сокращения, обозначающие «Антиблокировочная тормозная система» и «Система динамической стабилизации», поэтому я никогда не развиваю на поворотах большую скорость. В результате за мной выстраивается целая очередь из таких мужиков.

Дом инвалидов выглядит как один из жутких отелей «Трэвелодж»¹⁵, расположенных рядом с автостоянками на окраинах мрачных и скучных северных городов. Я останавливаюсь перед ним и с минуту просто сижу в машине, собираясь с силами.

Я выхожу из машины, иду к автоматическим дверям и попадаю в приемную с белыми стенами. Пахнет дезинфицирующим средством и мочой, и еще чем-то мерзким. Администратор выглядит печально, как смирившаяся с судьбой женщина, она говорит мне, что нужно подождать, я опускаюсь на пластиковый стул и смотрю в никуда. На меня снова накатывает тошнота. Я не хочу здесь находиться. Я хочу, чтобы

¹⁵ «Трэвелодж» – сеть бюджетных отелей по всей Великобритании. – Прим. переводчика.

вернулась Пегги и ухаживала за Джозефом в Красном доме, чтобы мне не приходилось с ним ничего делать и уж точно не отвечать за него.

Я тянусь за одним из журналов на низеньком кофейном столике перед собой. Там полно фотографий людей, которые, очевидно, считаются привлекательными. Я вижу, что они худые, а фотографии отретушированы, но во всех их лицах нет ничего особенного для меня. Они симметричные и обычные, все одинаковые! Иногда я говорю себе, что мне повезло. Я не чувствую никакого давления, мне не нужно выглядеть идеально в Инстаграме, потому что «идеально» для меня ничего не значит. Я редко смотрюсь в зеркало. Я узнаю свой цвет волос, яркую помаду, но я не испытываю никаких эмоций, я не могу сказать, хорошо или плохо выгляжу. Так что, рекламодатели, вам не повезло – все эти гладкие лица и рельефные подтянутые тела не заставят меня чувствовать себя неполноценной и купить то дерьмо, которое вы навязываете.

В Эшборне у меня все сложилось хорошо. Маркус, вероятно, уже знает, что я странная. Я никогда не рассказываю про друзей, семью или школу, никто мне никогда не звонит, не присылает эсмэсок, и я так и не принесла свидетельство о среднем образовании, которое он хотел посмотреть, когда принимал меня на работу. Однажды мы оба находились в магазине, но не было ни одного покупателя, как часто случается. У нас работало местное радио. Обычно они рассказы-

вают о самых безобидных вещах — о местных жителях, которые делают добрые дела в нашем районе (и дерутся только раз в год во время Масленичного футбола¹⁶, а он, по моему мнению, представляет собой массовую драку, в которой участвует весь город). Но в тот день я только сделала глоток чая, когда ведущий объявил, что в университете проводился семинар о психопатии, посвященный моей семье. Семья казалась нормальной и счастливой, за исключением Джозефа. Он представлял собой аномалию. Это что-то генетическое? Он родился психопатом? Я поперхнулась чаем и никак не могла откашляться. Маркус стучал меня по спине, все время спрашивал, как я, я отвечала, что все нормально, хотя было очевидно, что это не так. Но он так и не увидел связь между тем, что я поперхнулась, и объявлением по радио, или, по крайней мере, он сделал вид, что не заметил.

Я ищу журнал поинтереснее, чтобы отвлечься. Мое внимание привлекает заголовок: «Мой умерший муж вернулся ко мне в виде собаки». Вот это то, что надо.

Ко мне приближается женщина, стучит каблучками по жесткому полу. У нее необычная походка, большие пальцы вывернуты в стороны, опора на внутреннюю часть стопы. Я бросаю журнал на столик. Конечно, я не стану читать про

¹⁶ Королевский Масленичный футбол проводится во вторник и среду на масленичной неделе в центре Эшборна, начиная с XII века. Игра мало похожа на современный футбол — мяч (изначально отрубленную голову) нужно доставить к старой мельнице, расстояние до которой составляет пять километров. — *Прим. переводчика.*

мужчину, который вернулся к жене в образе собаки. Женщина выглядит еще более изможденной, чем я себя чувствую.

– Ева Тейлор? – Она протягивает руку, и, глядя на нее, я понимаю, что она явно старше, чем выглядит. – Доктор Патель. Я отвечаю за уход за вашим братом.

Она проводит меня в комнату для свиданий, которой попытались придать уют за счет пары мягких кресел и занавесок с цветочным рисунком. Но пахнет тут потом и подгоревшим кофе. Я сажусь в одно из кресел. Ткань на ручках протерлась, я вытаскиваю нитку. Доктор Патель располагается напротив меня.

– С вашим братом все в порядке, – сообщает она. – Он хорошо перенес переезд.

– Отлично, – отвечаю я.

У доктора Патель появляется странное выражение лица – она одновременно хмурится и улыбается.

– У него сложный случай, – говорит она.

Я киваю, не зная, как на это реагировать.

– Вы близки с вашим братом?

Она не знает, кто он, судя по тому, как она простодушно задает этот вопрос. Но как можно быть близким с человеком, который никогда ни на что не реагирует, никогда не слышит то, что ты говоришь, даже если не брать в расчет то, что этот человек убил твою семью?

– На самом деле нет, – отвечаю я.

– Нам нужно подумать о его перспективах в долгосрочном

плане.

– Хорошо.

Я тут совершенно не к месту, словно ребенок, притворяющийся взрослым. Доктор Патель склоняет голову набок, смотрит мягко и обеспокоенно.

– Мы стараемся делать все в интересах пациентов, учитывая мнение их родственников. Это наша позиция.

– Что вы имеете в виду?

Она медлит.

– До недавнего времени мы в таких случаях продолжали лечение бесконечно долго...

– Как вы его лечите? С ним раньше все было прекрасно.

– Ему требуется серьезный уход для поддержания в нем жизни, – говорит доктор Патель. – Я уверена, что вы это знаете.

– Вы имеете в виду, что можете прекратить его лечение?

До меня доходит, о чем она спрашивает: она хочет знать, могут ли они убить моего брата. А я это не поняла!

– Если мы считаем, что это в интересах вашего брата, все родственники и медицинский персонал согласны, то мы можем прекратить подачу еды и воды, – поясняет она мягким голосом.

– Вы можете это сделать? – Я тяну время. Я знаю, что могут. Я изучала этот вопрос.

– Да. Если мы все согласны, что так лучше. Протокол изменился с тех пор, как ваш брат попал в автомобильную ава-

рию. Нужно думать о том, что хотел бы сам человек. Хотел бы он жить в таком состоянии?

— Не знаю, — отвечаю я. — Я знаю его только в таком состоянии. Он пребывает в нем уже много лет.

— Такие пациенты могут жить очень долго. — Доктор Патель разводит руками, словно таким образом пытается подчеркнуть *как долго*. — Я знаю, что это тяжело.

— Моя бабушка считала, что он хочет жить. Что это стоит усилий. Что стоит поддерживать в нем жизнь.

Какая потеря! Если мы позволим ему сейчас умереть, получится, что Пегги потратила свою жизнь зря. Но, может, она в любом случае испортила себе жизнь. Я помню, как обещала ей проследить, чтобы за Джозефом был обеспечен должный уход.

Лицо доктора Пателя смягчается.

— Родственники часто надеются на улучшение, но боюсь, такое бывает крайне редко по прошествии такого количества времени.

— Да, наверное, — тихо говорю я. — Но бабушка думала, что его жизнь все равно имеет свою ценность, даже в таком состоянии, как он сейчас.

— Нужно о многом подумать, — поясняет доктор Патель. — Вы сможете обсудить этот вопрос с родственниками? Посмотреть, получится ли у вас у всех договориться?

— Я практически не общалась с ними какое-то время, — сообщаю я. — Но, наверное, смогу. Что вам сказал мой дядя

Грегори?

– Он за прекращение лечения.

Конечно, за. Он ненавидит Джозефа.

– Это очень важное решение. Нам на самом деле нужно, чтобы все были согласны.

– А если не удастся достичь согласия?

– Можно обратиться в суд, но гораздо лучше, если вы сами примете решение. А пока не беспокойтесь: мы обеспечиваем Джозефу уход по самым высоким стандартам.

– Хорошо, я поговорю с дядей и тетей.

– Прекрасно. Хотите увидеть Джозефа?

Доктор Патель встает и выжидающе смотрит на меня.

– О...

Мне следует ей сказать, что я не хочу его видеть, не хочу находиться рядом с ним. Он вызывает у меня слишком сложные чувства. Но я не произношу ни слова.

– Я провожу вас к нему.

Похоже, у меня нет выбора и придется идти за доктором Патель. Мы идем по пустому коридору и оказываемся в удивительно приятной палате. Большое окно выходит на освещенную солнцем долину, хотя те, кто здесь, не могут оценить вид. Двое мужчин лежат на металлических кроватях, их головы и грудь приподняты и находятся под углом к ногам. Второй мужчина старше Джозефа, у него редкие седые волосы.

Доктор Патель подходит к Джозефу, склоняется над ним

и что-то делает с одной из трубок.

– Он хорошо перенес переезд, – говорит она. – Я думаю, что он славный малый.

Мне эти слова кажутся странными, но, конечно, она не знает, что он натворил. Я помню, как Пегги говорила, что он теперь другой человек. Она была права. Он не может двигаться, не может разговаривать или общаться каким-то иным способом. У всех бывают дурные мысли – плохим человеком ты становишься, если воплощаешь их в жизнь. Видимо, теперь все пациенты доктора Патель стали славными малыми.

– Может, будет лучше, если вы с ним поговорите, – предлагает доктор Патель. – Расскажите ему о том, что происходит в вашей жизни.

Мне не хочется находиться рядом с Джозефом. Мне не нравится то тепло, которое я раньше ощущала по отношению к нему и которое сейчас вернулось, тем более если мы позволим ему умереть.

– Но он без сознания, – говорю я.

Доктор Патель просто улыбается и выходит из палаты.

У меня смешанные чувства. Хочу ли я позволить ему жить дальше или дать умереть? Я его люблю или ненавижу?

Хотя Джозефу сейчас тридцать пять лет, выглядит он моложе. На самом деле он симпатичный, если удастся поймать тот момент, когда его глаза в нормальном положении. Несколько лет назад бабушка Пегги позволила опубликовать о нем статью в «Таймс», и у него даже появились поклонни-

цы. Они писали ему длинные письма на плотной почтовой бумаге, и он даже получил два предложения о женитьбе. Вы можете в это поверить? Хотя говорят, что для каждого человека можно кого-то найти.

Мне холодно рядом с Джозефом, и я начинаю дрожать. Я не хочу здесь находиться, но у меня нет сил сопротивляться доктору Патель, поэтому я сажусь на стул и разговариваю с Джозефом, пытаюсь избежать тем, которые меня расстраивают. А расстраивает меня бóльшая часть того, что происходит в моей жизни и, конечно, в его. Я сообщаю ему, что его змеи все еще живы и здоровы, живут в Красном доме. Я поднимаю телефон, чтобы заснять его, пока говорю, чтобы потом просмотреть это видео – когда буду думать, позволить ли ему умереть или нет. Я смотрю на его безвольное лицо сквозь экран своего телефона и понятия не имею, как будет лучше.

Глава 9

Я ставлю машину в двух улицах от моего дома, на той части дороги, на которую, как я надеюсь, никто не претендует. Парковка в Эшборне – непростое дело, потому что люди ставят конусы, камни и деревянныешки, чтобы попытаться зарезервировать себе парковочное место.

Я иду к своему дому, опустив голову вниз, толкаю входную дверь и вздыхаю, когда закрываю ее за собой. В воздухе чувствуется легкий тошнотворно-сладковатый запах загнивающих лилий.

Я хватаю цветы и несу их к раковине, выбрасываю те, у которых уже стали скользкими стебли, и наливаю в вазу свежую воду. У меня дрожат руки. Такое ощущение, будто я попала в чью-то жизнь. Жизнь, в которой нужно принимать много решений, а я понятия не имею, как это делать. Можно подумать, что моя жизнь и без того не была сложной.

Я вспоминаю, как мы танцевали с Пегги. Как легко и плавно скользили по большой гостиной в Красном доме, огибая края кровати Джозефа. Затем она попросила меня проследить, чтобы за Джозефом должным образом ухаживали, и сказала, что другие люди не поймут ценности его жизни. Она была права. А теперь мне нужно решать, уморить его голодом или нет.

Я сажусь на дешевый деревянный стул у небольшого стола

в моей кухне и сжимаю голову руками. Мне не с кем все это обсудить. У меня нет лучшей подруги и парня (из этих отношений никогда не получалось ничего хорошего), и я остро ощущаю отсутствие всяких связей. Пегги была человеком, с которым я встречалась почти каждую неделю. Именно она помогла мне уехать из Маршпула и стать Евой. Она оплатила уроки вождения, как только мне исполнилось семнадцать лет, помогла мне поменять имя и фамилию, она выступала поручителем, когда я снимала жилье в Эшборне и начинала новую жизнь. Как я без нее справлюсь?

Самый близкий друг, который у меня сейчас есть, это Маркус, мой начальник. Печально, конечно, если подумать, но теперь и он отдаляется от меня и становится ближе к скучной Серене.

Несколько моих школьных друзей пытались поддерживать со мной связь после того, как я перебралась в Эшборн, но затем я сменила имя и фамилию и хотела оборвать все связи с Селестиной Флауэрс.

Я открываю маленький ящичек в кухонном столе и достаю набор игровых костей. Несколько месяцев назад я увидела их в магазине подержанных вещей. В них было что-то такое притягательное, что я не смогла устоять. Я думаю, что они из слоновой кости, и это ужасно, но это пришло мне в голову не сразу, а гораздо позже, и теперь мне кажется, что, если я их выброшу, это будет бóльшим неуважением к несчастному слону, чем если я их оставлю. Иногда я использую кости

для принятия решений. Хотя это не самый лучший способ принимать решения.

Я решаю, что если выпадет оба четных или оба нечетных числа, то я позволю Джозефу умереть. Если одно будет четным, а второе нечетным, то я сделаю все от меня зависящее, чтобы выполнить волю Пегги и поддерживать в нем жизнь. Его шансы пятьдесят на пятьдесят.

Я бросаю кости. Две шестерки. У меня никогда не выпадают две шестерки, если я в чем-то с кем-то соревнуюсь.

Предполагается, что я позволю Джозефу умереть. Кости сказали свое слово. Но это кажется неправильным. Я обещала Пегги проследить, чтобы ему был обеспечен уход. Как я могу сказать им просто прекратить его кормить? С другой стороны, все остальные, похоже, думают, что это самое милосердное решение. Почему Пегги считала по-другому? Я помню, как она хотела рассказать мне про уход за ним, а я от нее отмахнулась. Она знала что-то, чего не знаю я? Рациональная часть меня видит, что его жизнь – это не жизнь, но есть и другая часть, которая не хочет его терять.

Я звоню дяде Грегори.

Он быстро отвечает и здоровается со мной довольно резко.

– Нам нужно принять решение по Джозефу, – говорю я. – Я не знаю, как будет лучше.

С Грегори никогда не нужно тратить время на пустые светские беседы. Это бессмысленно. Он отмахнется от них,

словно слишком занят. Он считает себя очень важным.

– Да, – отвечает он. – Я за то, чтобы последовать совету врача.

– Но ведь на самом деле она не давала советов, не правда ли? Она хочет, чтобы мы приняли решение.

– Совершенно очевидно, что она думает. Следует дать ему умереть. Это самый лучший вариант.

– Хотя на самом деле это не просто дать ему умереть, ведь так? Это прекратить его кормить. Это очень серьезный вопрос, Грегори. А я обещала

Пегги о нем позаботиться.

Я слышу, как Грегори раздраженно вздыхает. Звук усиливается, передаваясь по телефонной связи. Его «Ох!» получается невероятно громким.

– Моя мать поступала глупо, – заявляет он. – Ты не должна повторять ее ошибки. Ты хотя бы представляешь, что означает его содержание и сколько это стоит?

– Нет.

– Он овощ, Ева. В этом все дело! Подсказка уже в самом слове!

Я сглатываю.

– Просто это кажется очень серьезным... на самом деле... Ну, ты понимаешь – лишить его еды.

– Он в любом случае все равно что мертв.

– Бабушка говорила, что есть вещи, которые мне нужно о нем знать. Она сказала: «Все обстоит не так, что ты дума-

ешь». Тогда я не обратила внимания на ее слова. Я сильно беспокоилась из-за ее рака, но что она имела в виду?

– Понятия не имею. Что еще она говорила?

– Просто, что она хочет, чтобы я проследила за обеспечением ему должного ухода. Вообще не было понятно, что конкретно она от меня хотела. Четко она не выразилась.

– Ты знаешь, что уход за ним подразумевает круглосуточную работу? И ради чего? Зачем ему жить? Незачем.

Я чувствую, что начинаю склоняться к тому, чтобы позволить Джозефу уйти. Я смогу продолжать жить как живу, как Ева. Все будет так просто.

– Я думаю, что нам нужно это должным образом обсудить, – заявляю я, удивляя сама себя. – Я могу к тебе приехать, чтобы встретиться?

Стоит мне это произнести, как меня охватывает возбуждение от мысли, что я поеду в гости к тете и дяде. Может, то, что я живу наполовину как Ева, притворяюсь другим человеком, изолируя себя от семьи, и не так хорошо, как я себя убеждала.

– Сюда? В Маршпул? – уточняет Грегори.

Я медлю.

– Да.

– Ты всегда говорила, что не хочешь сюда возвращаться.

Он прав. Я никогда не думала, что Ева выживет после контакта с Маршпулом. Там я для всех Селестина, выжившая во время трагедии жалкая маленькая девочка. Девочка, кото-

рая пряталась со змеями. А что еще хуже – возможно, такая же агрессивная, как ее брат. Но я хочу поговорить с единственными, оставшимися у меня родственниками, обсудить состояние Джозефа перед тем, как мы примем окончательное решение о том, что делать.

– Я передумала, – отвечаю я. – Завтра я могу приехать?

– Наверное. Если это тебе так нужно. Нет, я хотел сказать... – Я почти слышу, какие усилия он прилагает, чтобы говорить вежливо. – Мне будет приятно тебя увидеть.

– Хорошо. Спасибо. До скорой встречи.

Глава 10

На следующее утро я отвожу деньги и немного еды для кошек в приют, а затем направляюсь в Маршпул. Я еду по дороге, огибающей по краю участок, где стоит Красный дом. Свет отражается от зеркальной поверхности болота, в воздухе висит легкий туман, из-за него воздух становится влажным. На удалении виден стоящий на небольшой возвышенности дом, окна напоминают следящие за тобой глаза. Я отворачиваюсь от него и смотрю на дорогу, которая ведет в Маршпул. Я еду в трансе, словно если я не буду думать о том, что делать, то вопрос решится сам. Деревня вызывает у меня отвращение, я боюсь встречи с тетей и дядей, которые отвергли меня, когда были мне нужны больше всего. Но я понимаю, что хочу попытаться укрепить связи с оставшимися членами моей семьи. Даже если наши отношения запутаны и болезненны, мне все равно они сейчас нужны. Я совсем одна без Пегги.

На главной улице стоят серые каменные дома, боковые улочки поднимаются вверх из долины. Меня преследуют флешбэки. Я гуляю с друзьями в лесу. Встречи с Коди. Его лицо встает у меня перед глазами. Это не то что фотография в моей памяти. Скорее это сочетание чувств и намеков на лицо без каких-то особых черт. Я вспоминаю то чувство безопасности, которое испытывала рядом с ним, я могла спокойно говорить то, что хотела, я знала, что он и не жалеет меня,

и не презирует. Коди был ярким оазисом в мои темные подростковые годы. Но затем я рассказала ему слишком много, и все пошло наперекосяк, как обычно со мной и бывает.

Я снова заставляю себя очистить сознание. Лучше не думать о прошлом, когда я нахожусь здесь.

Справа от меня возвышенность, на которой растут деревья. Я проезжаю мимо универсального магазина и заворачиваю к дому Грегори и Деллы. Все выглядит так, как раньше. Мне это кажется неправильным – ведь я так изменилась. У меня дрожат пальцы от желания развернуть машину и направиться напрямик домой, но я не поддаюсь этому желанию и еду дальше.

Я останавливаюсь перед их домом и сижу в машине, готовлюсь. Маршпул – это просто место. Проблемы у меня в голове. В некотором смысле прошлое живет только у нас в головах, ведь оно больше не является реальностью. Может, книга «Никогда не поздно иметь счастливое детство» как раз об этом.

Я выхожу из машины и иду по короткой тропинке к входной двери. Я звоню в звонок, но ничего не слышу, никто не подходит к двери. Мне тяжело на душе от мысли, что им настолько на меня плевать, что они даже не выходят меня встретить. Прошло восемь лет, они должны знать, как мне было тяжело сюда приехать.

Я берусь за ручку двери, толкаю ее, и она открывается. Я в коридоре. На меня накатывают воспоминания. Они кричат

друг на друга в кухне. Я падаю на колени, когда узнаю, что они думают обо мне, на что я, по их мнению, способна. Затем я быстро пакую чемодан, побросав в него слишком много трусов, но не положив носки, и выбегаю из дома, не зная, куда мне идти, я просто хочу убраться подальше от этого дома. Подальше от них. Я больше никогда сюда не приезжала, до этой минуты.

Я иду по коридору к кухне. Там кричат, и у меня опять начинается крутить живот, точно так же, как в прошлом. Я подхожу немного поближе и останавливаюсь перед дверью.

Мужской голос, расстроенный:

– Это глупость несусветная! Она не могла так поступить!

Женский голос бормочет что-то о том, что это можно оспорить.

Я толкаю дверь.

Мужчина ходит вокруг стола и хмурится. Дядя Григори. Еще когда я была ребенком, он как-то травмировал позвоночник и поэтому редко садится. Он останавливается и смотрит на меня. Похоже, он не рад меня видеть, но натянуто улыбается и говорит:

– Здравствуй, Ева. Так здорово, что ты приехала нас навестить.

Сами слова приятные, но он раздражен. А учитывая, сколько времени мы не виделись, мало приятного. Интересно, из-за чего они спорили.

– Я рада быть здесь, – говорю я, но на самом деле это не

так.

Кухня, как всегда, в полном порядке, сверкает чистотой и отполированными поверхностями. Всем своим видом напоминает о том, как неловко мне раньше было просто от того, что я существую, как я не могла не оставлять крошки и разводы на этих отполированных поверхностях. Белые стуэтки все еще стоят на комодѐ, на них ни пылинки, одной не хватает. Я вспоминаю, как в детстве это место вызывало у меня приступы клаустрофобии. Я чувствовала себя гораздо комфортнее в Красном доме в окружении болота и дикой природы.

Женщина склоняется над разделочным столом, режет большим ножом что-то похожее на батат. Высокая и худая, с длинными рыжими волосами. Она поворачивается и восклицает:

– Боже! Ева! Как мило! – Она подходит ко мне, обнимает, но продолжает держать в руке нож, и от этого я нервничаю. От нее пахнет медом и фрезиями. – Боже, сколько времени прошло!

– Я рада вас видеть, – говорю я, но уже начинаю нервничать. Что они теперь обо мне подумают? Я им понравлюсь больше, чем раньше?

Создается впечатление, что между нами негласное соглашение. Мы не станем говорить про инцидент с Нейтом Армитеджем, который по сути положил конец нашим отношениям и стал причиной моего бегства отсюда. Они поверили в

жуткие вещи обо мне, не поддержали меня, как должна была бы поддержать семья, как, я знаю, поступила бы моя настоящая семья. Ясно, что не будет никаких извинений или попыток что-то исправить.

– Случившееся с Пегги так ужасно, – говорит Делла, а я гадаю, рассказал ли ей Грегори, что я знала: с Пегги что-то было не так, но я никому не сообщила об этом.

Делла берет меня за плечи, отстраняет на расстояние вытянутых рук и всматривается в мое лицо.

– Что у тебя с волосами? – восклицает она. – Что ты с ними сделала?

Это как раз в стиле Деллы. Я ее чем-то раздражаю, но она не скажет ничего прямо, а будет критиковать за что-то другое, чтобы мне стало плохо.

– Что не так с моими волосами? – спрашиваю я.

Она отпускает меня.

– Просто с этой прической ты выглядишь бледной, вот и все.

Я не отвечаю.

– Как ты себя *чувствуешь*?

Делла всегда была одержима моими чувствами. В детстве меня постоянно внимательно рассматривали и оценивали. Из-за этого жизнь казалась мне работой, на которой я все время нахожусь под неусыпным контролем. Если я вела себя как-то не так или испытывала неправильные эмоции, то знала, к каким выводам они придут – или я так испорчена,

что меня уже не исправить, или еще хуже – я такая же, как мой брат. Грегори и Делла никогда не хотели иметь детей и уж точно не хотели такого ребенка, как я.

– Со мной все в порядке, – отвечаю я.

– Расстраиваться – это нормально, Ева. Здесь ты можешь демонстрировать свои эмоции.

Меня здесь осудят, если я продемонстрирую не те эмоции, но также осудят и если я не продемонстрирую никаких. Я понимаю, что допустила ошибку. Я думала, что хочу с ними помириться. Может, даже надеялась на близость в будущем. Но я уже веду себя неправильно. Не реагирую так, как надо.

– Как вы оба? – спрашиваю я. – Никто не дежурит рядом с домом, пытаюсь сделать фотографии?

– Нет, – отвечает Делла. – Не пора ли тебе уже перестать от всех скрываться? Наверняка такая жизнь тебя изматывает. Я вижу это по твоему лицу. Я уверена, что мы уже успели наскучить миру.

Я сглатываю, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, готовые пролиться. Она права. Я измотана. Но миру мы не наскучили. Убийца в вегетативном состоянии, его младшая сестра, которая пряталась со змеями, – даже спустя столько лет это продолжает увлекать людей. И возможное существование скрытого уровня в игре всегда вызывало безумные споры и рассуждения в социальных сетях, и они только усилились после объявления награды. Но Делла гордится тем, что не ведет социальные сети и ничего в них не читает.

Я стою рядом с посудомоечной машиной и чувствую себя неловко. Никто не предлагает мне присесть. Я не знаю, о чем говорить. Нам нужно решить, будем ли мы убивать Джозефа, но кажется, что еще рано приступать к обсуждению этого вопроса. У меня никогда не получалось вести разговоры. Не знаю, объясняется ли это лицевой слепотой или и без нее от меня не было бы никакого толку.

Делла возвращается к своему батату, но режет его так агрессивно, что я представляю, как она отрезает себе палец.

– Нужно организовывать похороны, – в конце концов говорит она. – И конечно, твой дядя взвалил все это на меня.

– Я могу помочь, если хочешь, – предлагаю я.

– О боже, нет, в этом нет необходимости.

– Что вы обсуждали перед моим приездом? – спрашиваю я.

– Ничего, – отвечает Грегори. – Мне нужно посоветоваться со своим адвокатом перед тем, как обсуждать этот вопрос.

– Завещание бабушки?

Грегори и Делла переглядываются, наконец Делла кладет нож на стол.

– У нее была старческая деменция, – объявляет Грегори. – Она совершенно выжила из ума. Завещание не имеет силы. Мне нужно отправить ответное письмо адвокату и договориться о встрече.

– У нее не было никакой деменции, – говорю я. – Что в завещании? Она оставила все приюту для кошек?

У меня такое ощущение, будто внутри у Грегори что-то вспыхивает. Он смотрит на меня с яростью и орет:

– Я не знаю, почему ты спрашиваешь, Ева. Я уверен, что ты знаешь о содержании завещания.

– Что ты имеешь в виду? Сядь и объясни мне, что происходит.

Конечно, Грегори и не думает садиться.

– Я удивлен, что ты вообще хочешь тот дом, – говорит он. – Ты же понимаешь, что не сможешь его продать. Он будет камнем на твоей шее. Никому не нужен дом, в котором были совершены убийства, да еще и постепенно погружающийся в болото.

Я злюсь.

– Я на самом деле не понимаю, о чем ты говоришь, черт побери. Почему бы тебе просто не объяснить мне, о чем речь?

Делла с грохотом захлопывает дверцу шкафчика.

– Нас только что уведомили. У нас не было времени переварить эту информацию, – заявляет она.

Грегори склоняется над столом, опираясь ладонями на столешницу из массива сосны.

– В завещании говорится, что ты получаешь Красный дом и все, что в нем есть. Похоже, Пегги считала, что ты будешь там жить вместе с кучей спасенных животных.

– Я? – Я представляю Красный дом, стоящий на острове в окружении кроваво-красного болота. – Я не хочу там жить.

– Вот видишь: все не так хорошо, как ты представляла, – замечает Грегори.

– Я вообще ничего не представляла! Она не обсуждала это со мной.

Я задумываюсь, не планировала ли она это сделать в тот вечер, когда я от нее отмахнулась и заставила замолчать.

– А деньги она оставила в трастовом фонде для Джозефа, и ни у кого из нас нет к ним доступа, пока он жив.

– Но это, возможно, и не представляет проблемы, – подключается Делла. – Потому что нет смысла оставлять его в живых. Ты что-то получишь после смерти Джозефа, да, Грегори?

– Она оставила мне немного денег, – признается Грегори. – И да, я должен получить какие-то деньги после того, как Джозефа не станет.

Кажется, что злость из него уходит, он вздыхает и опирается о крепкий кухонный стол.

– Мы не можем убить его ради денег, – говорю я.

– Речь не об этом, – заявляет Грегори. – Это разумно, это благо для него. Он на протяжении долгих лет был занозой в заднице для нашей семьи, и пришла пора с этим покончить.

Она оставила его мне. Пегги оставила мне Красный дом. И именно поэтому Грегори и Делла так злятся на меня, хоть и очень стараются этого не показывать. Может, они и ненавидят этот дом, но он стоит много денег. Неправда, что его нельзя будет продать. Там участок земли, овчарни, у него

есть своя история, а это может быть плюсом для некоторых людей. Люди бывают странные.

На мгновение я представляю свою жизнь, если переберусь туда. Смогла бы я примириться с этим местом? Нет. Я не хочу жить в Красном доме, который медленно погружается в окрашенное красным цветом болото. Я не хочу жить в доме, где убили мою семью.

* * *

Я иду прогуляться по лесу и оказываюсь на тропинке, по которой обычно ходила в школу, расположенную в другой части деревни. Меня пронзает вспышка воспоминаний, такая острая и холодная, словно в меня ткнули сосулькой. Моя первая встреча с Коди. Это должно было быть счастливым воспоминанием, но оно испорчено тем, что случилось позднее.

За лесом простиралось поле, на котором весной обычно расцветало множество диких цветов. Туда никто не ходил, поэтому я обычно доходила до центра поля и усаживалась там, скрытая из виду цветами. Там росли разные цветы – крошечные белые, голубые, которые, казалось, переливались на свету, маленькие пурпурные, напоминавшие орхидеи. Они помогали мне все забыть.

Но однажды я услышала, как кто-то ко мне приближается. Я сидела тихо, надеясь, что этот человек меня не заме-

тит. Это оказался мальчик. Он тоже уселся в цветах, только с книгой. Он осматривал цветы, а потом сверялся с книгой. Я пыталась сидеть абсолютно неподвижно, задерживала дыхание, но он почувствовал мое присутствие, посмотрел прямо на меня, и я была вынуждена улыбнуться и поздороваться.

Он подвинулся немного поближе ко мне и спросил:

– Ты Селестина?

Конечно, я его не узнала. Он выглядел, как все остальные мальчики.

– Меня зовут Коди, – подсказал он.

– Да, конечно. Привет.

– Не говори никому, что я сюда приходил смотреть на цветы, – попросил он. – А то об этом будут трепаться до конца моей жизни.

Я рассмеялась.

– Я сохраню твою тайну.

И мы стали встречаться на этом поле с цветами. Похоже на типичное клише из любовных романов, не правда ли? Только окончилось все совсем иначе.

Я понимаю, что сошла с тропинки и нахожусь рядом с домиком на дереве, словно мои воспоминания привели меня сюда. Я резко разворачиваюсь и иду назад к дому Грегори и Деллы.

Они в кухне. Грегори разбирает стопку рекламных проспектов агентства недвижимости, а Делла сидит с чашкой кофе и внимательно меня изучает.

– Я бы на твоём месте выбрала тон посветлее, Ева, – говорит она. – Может, что-то поближе к кофейному? Он лучше подойдет к твоему цвету лица.

– Я не знала, что она собиралась оставить его мне, – заявляю я. – Мы никогда это не обсуждали.

Грегори склоняется над столом и засовывает рекламные проспекты в конверт. Делла наливает чай в его чашку.

– Мне не хотелось бы, чтобы ты занимался этим за кухонным столом. У тебя есть кабинет.

– Я хотел поговорить с Евой. – Он поднимает голову от своих проспектов и прищуривается, глядя на меня. – Я не понимаю, почему ты хочешь оставить Джозефа в живых, если это вообще можно назвать *жизнью*. Он уничтожил все. Ты хочешь потратить наследство, все, что тебе осталось от семьи, на то, чтобы поддерживать в нем жизнь? Без какой-либо цели?

– Я обещала бабушке, – отвечаю я и понимаю, что это звучит нелепо. Она умерла. Она никогда не узнает, что я нарушила обещание.

Грегори смягчается.

– Я знаю, что ты обещала, Ева. Но просто подумай об этом. Ее больше нет с нами, а что за жизнь у этого парня? Пегги была уверена, что он когда-нибудь поправится, но он не поправился. И не поправится.

– Я знаю.

– Печально то, что Пегги не смогла смириться с положе-

нием дел – она потратила такую огромную часть жизни на уход за ним. Когда она узнала, что умрет раньше него, она поняла, что это было ошибкой. Дать ему умереть означало бы признать это.

Я чувствую, что начинаю поддаваться. То, что говорит Грегори, на самом деле имеет смысл. Мое сопротивление, мое нежелание дать Джозефу умереть нелогично. Я думаю, что хватаюсь за свою любовь к нему, ведь когда-то я любила его, он был моим старшим братом. И независимо от обстоятельств, тяжело позволить своему старшему брату уйти, особенно если он твой последний близкий родственник.

– Я действительно любила его в детстве, – говорю я. – Я не помню деталей, но знаю, что любила его. Я имею в виду... до.

– Мне очень жаль, Ева. Я знаю, как все это тяжело для тебя. Ты потеряла семью, только что лишилась Пегги, а теперь еще встал вопрос с Джозефом, независимо от того, что он натворил.

И именно в эту минуту, когда Грегори демонстрирует сочувствие, я ломаюсь.

– Хорошо. Ты прав. Нам следует дать ему умереть.

Глава 11

На следующий день я отправляюсь в дом инвалидов «Гри-накр» и подписываю тысячу документов, подтверждая, что мы собираемся позволить Джозефу умереть. Доктор Патель говорит мне, что я поступаю правильно. Также она говорит, что грустно в конце концов отпускать его, но так будет лучше. Звонят разным чиновникам, а я сижу и жду в каком-то оцепелом состоянии. Меня немного мучает чувство вины, но преобладает оптимизм. Это начало светлой полосы моей жизни.

Вернувшись домой, я не могу поверить, насколько лучше я себя чувствую. Я читаю, немного смотрю телевизор, провожу несколько часов, просматривая видео с котиками на Ютубе. Облегчение от того, что решение принято, вызывает легкую дрожь по всему телу.

Я звоню Грегори, и мы разговариваем почти как нормальные люди. Он говорит мне, что собирается инвестировать унаследованные от Пегги деньги в агентство недвижимости, они должны оживить бизнес, и все будет хорошо. Похоже, он больше не злится на меня за то, что я получила Красный дом.

– Я не стану извиняться за свои чувства, – заявляет Грегори. – Он убил моего брата и его семью, и я не стану притворяться, что опечален из-за него.

– Все нормально, – отвечаю я. – Я вначале расстраивалась,

но теперь тоже чувствую облегчение.

Мы заканчиваем разговор на хорошей ноте, и я чувствую, что улыбаюсь. Эта улыбка идет изнутри, а такого не было на протяжении многих лет. Я решаю съездить в приют для животных, снять ролики о свиньях и сообщить Мэри, что нам нужно совсем чуть-чуть продержаться, и тогда у меня, возможно, появятся деньги, чтобы закрыть долги по аренде, и я постараюсь вытащить нас из этой дыры.

* * *

Приехав, я не вижу Мэри, поэтому иду взглянуть на свиней. У них большой амбар, выложенный соломой, оттуда есть выход к очень грязному участку под открытым небом, где они сейчас и валяются. У нас есть один очень фотогеничный хряк по кличке Энгельберт. Я уверена, что видео с ним, с довольной мордой барахтающимся в грязи, понравится тем, кто нам помогает.

Я подпрыгиваю, услышав шуршание над головой. Я смотрю вверх, пытаюсь понять, что же это было, и вижу ногу. На вишне. Затем я вижу всю Мэри, которая устроилась надо мной подобно гигантскому голубю.

– Что происходит?.. – спрашиваю я.

– Ева, хорошо, что ты здесь. Ты мне поможешь, – спокойно говорит она, словно происходящее абсолютно в порядке вещей.

Я хмурюсь, пытаюсь рассмотреть что-то среди листвы.

– Я могу узнать, что происходит?

– Это Глициния. Она застряла.

Словно как по команде до меня сверху доносится тихое жалобное мяуканье. Я вижу только одну рыжую лапу, впившуюся в ветку над головой Мэри.

– Мэри, это кошка. Она молодая и подвижная. Не обижайтесь, но я думаю, что она лучше умеет лазать по деревьям, чем вы.

– Она орет уже целый час.

– Мы можем вызвать пожарных, чтобы ее спасти? Вроде бы они этим занимаются.

– Нет, в нынешние времена действует режим строгой экономии.

Трещит ветка, Мэри издает негромкий крик и падает примерно на фут¹⁷ вниз.

– Боже, Мэри, нам нужно спустить вас вниз. Кто будет кормить животных, если вы сломаете ногу?

– Со мной все в порядке. Если я смогу встать на эту ветку...

– Пожалуйста, не делайте этого.

Я испытываю невероятно теплые чувства к этой женщине и облегчение от того, что деньги Пегги помогут нам продолжить работу. Так от них будет гораздо больше пользы, чем продолжать тратить их на поддержание жизни в человеке,

¹⁷ 1 фут = 30,48 см. – Прим. переводчика.

который не приходит в сознание. Независимо от того, что хотела (или думала, что хотела) бабушка Пегги.

Опять шуршит сверху, и я вижу, как маленькая мордочка Глицинии смотрит на меня. На земле стоит коробка с сухим кошачьим кормом. Предположительно Мэри принесла ее, чтобы попытаться заставить Глицинию спуститься вниз. Я слегка трясую коробку, Глициния меняет положение и начинает спускаться хвостом вперед по стволу дерева. Получается не особо грациозно, но, по крайней мере, она спускается вниз. Кошка приближается к Мэри, затем останавливается и осматривает ветку, на которой качается сорока, поглядывая на Глицинию. Похоже, сорока намеренно дразнит кошку.

– Мэри, вы можете ее схватить? – спрашиваю я. – Глупышка собирается ловить птицу, которая ее дразнит.

Мэри чуть меняет положение, тянется вверх, и ей удается схватить Глицинию. Она бесцеремонно тянет кошку вниз, а потом швыряет на меня. Я ловлю ее и говорю:

– Ради всего святого, Глициния, ты же чуть не убила Мэри!

Я помогаю Мэри спуститься. Она тяжелее, чем кажется.

– Спасибо, – благодарит она. – Давно я не лазала по деревьям, но потренироваться было неплохо.

– Правда?

Пегги было под восемьдесят, когда она лазила под крышу, чтобы прочистить водосточные желоба в Красном доме, настаивая на том, что способна все сделать сама. Я не горю

желанием этим заниматься даже в двадцать пять. Я выгляжу жалко в сравнении с этими крепкими женщинами.

Я предлагаю Мэри присесть, отдохнуть и чего-нибудь выпить, но она и слышать об этом не хочет. Она готовит еду для животных, я снимаю Энгельберта и других свиней, занимающихся своими делами. Я жалею, что не сняла Мэри на дереве, ведь это показало бы, как мы преданы делу, но ей это не понравилось бы. Она даже не смеется над случившимся. Для нее это нормальное поведение.

– Я понимаю, что ты не специально не узнала Верити Синглтон, – говорит Мэри. – Но дело в том, что у нас ужасное финансовое положение.

– Мне нужно кое-что с вами обсудить.

Я сижу на тюке сена, и Глициния прыгает мне на колени, она совсем не раскаивается.

– Давай, – отвечает Мэри, потирая лодыжку, а я задумываюсь, не повредила ли она ногу, спускаясь с дерева. Я даже не утруждаю себя вопросом, потому что Мэри в любом случае не признается.

– У меня умерла бабушка, и она оставила мне немного денег, – сообщаю я. – Может потребоваться какое-то время для вступления в наследство, но я хочу отдать часть на содержание приюта.

– Мне очень жаль, что ты потеряла бабушку, – говорит Мэри. – Почему ты мне не сказала?

Я пожимаю плечами.

– У вас и так полно забот.

– Но ты не можешь взять и отдать свое наследство.

– Не все, только часть, то, что нужно, чтобы сейчас вытянуть нас из ямы.

Мэри наклоняется ко мне и обнимает. Я никогда не видела ничего подобного. Я с ужасом понимаю, что она плачет, и отстраняюсь от нее до того, как расплачусь сама.

Глава 12

У меня в кухне очень холодно, здесь сквозняк, холод проникает сквозь старые окна и в щель под дверью. Я снова надеваю куртку, сажусь за стол и открываю ноутбук. Я помню, что у бабушки Пегги был дверной уплотнитель от сквозняка в виде таксы. Она выглядела очень грустной от того, что ей приходилось лежать на полу у холодной двери. Мне всегда было ее жаль, я забирала к себе и позволяла спать на диване, несмотря на то, что это раздражало Пегги. Она так хорошо ко мне относилась...

Я захожу в Фейсбук и провожу некоторое время на странице приюта для животных, отвечаю на несколько комментариев. Я не чувствую обычного беспокойства, когда смотрю на фотографии и видео животных. У нас все будет в порядке. Скоро у меня будут деньги.

Я достаю телефон и нахожу видео с Энгельбертом, принимающим грязевую ванну. Получилось идеально. Я выкладываю его на Фейсбуке, и он сразу же получает кучу лайков. Затем я вспоминаю, как пару недель назад снимала Глицинию, ползающую по тюкам сена. У нее и на них-то плохо получалось взбираться, ей не следовало даже пытаться лезть на вишню. Я прокручиваю видео в поисках нужного, и вдруг словно получаю удар под дых. Я забыла, что снимала Джозефа, когда навещала его в доме инвалидов.

Мой палец висит над иконкой «удалить». Какой смысл хранить эту запись? Но затем я решаю один разок ее посмотреть. Выглядел Джозеф ужасно. Это убедит меня в том, что я все делаю правильно, позволяя ему умереть.

Я запускаю видео. Джозеф лежит, отклонив голову назад, взгляд блуждающий, кожа влажная и серая. На заднем фоне звучит мой голос, я болтаю о всяких безобидных вещах, которые я посчитала самыми подходящими для такого разговора.

Я смотрю на Джозефа с предельной сосредоточенностью, так, как обычно смотрю на людей, даже задумываясь об этом. Мне приходится так делать, чтобы у меня появился хоть какой-то шанс понять, кто они.

Я выпрямляюсь. Я заметила кое-что странное.

Я включаю звук на телефоне на максимум, несмотря на то что мой собственный голос напоминает мне скрежет ногтей по школьной доске.

Я смотрю видео от начала и до конца три раза подряд. С каждым просмотром все становится понятнее.

Глаза Джозефа, как и всегда, бегают из стороны в сторону, но иногда они чуть приподнимаются вверх. Это происходит, когда я упоминаю змей. Каждый раз. Джозеф обожал своих змей. Это не может быть совпадением. Но как такое может быть? Он же без сознания.

Я снова смотрю видео. Я упоминаю змей раз десять, и каждый раз его глаза реагируют. Мой мозг гудит, пытаюсь с

этим разобраться. Насколько вероятно, что это просто совпадение?

Это не случайность.

Я снова и снова пересматриваю видео, силой воли пытаюсь его изменить. Это не может быть правдой. Внутри меня все холодеет.

У меня дрожат руки, когда я хватаюсь за ноутбук и набираю в поисковике: «Могут ли пациенты в вегетативном состоянии реагировать на что-либо?»

Я нахожу статью, в которой говорится, что пациенты в состоянии овоща могут бессознательно реагировать на звук своего имени. Я также нахожу статьи, в которых утверждается, что некоторые пациенты, которые, как предполагалось, находились без сознания, на самом деле все осознавали. Во время одного исследования четыре из двадцати трех пациентов, которых считали овощами, оказались в сознании. Один из комментаторов высказался следующим образом: «Из-за этого возникает много этических проблем, например, закон допускает смерть пациентов, которые постоянно находятся в вегетативном состоянии, путем прекращения лечения и ухода. Если же пациент проявляет реакцию на что-либо, то это незаконно, даже если он четко дает понять, что хочет уйти из жизни».

– О боже! – говорю я. – Боже, боже мой!

Я встаю и понимаю, что направляюсь к двери. Джозеф может быть заперт в своем теле, incapable даже сказать нам,

что он есть, он там. Я нащупываю пальцами дверной косяк и прижимаюсь к нему головой. Он холодный. Мне трудно дышать. Как я обычно дышу на протяжении всего дня, даже не задумываясь об этом? Кажется, так трудно делать это правильно.

Я возвращаюсь к ноутбуку и снова гуглю интересующий меня вопрос, кликаю по ссылкам, одной, другой, я отчаянно хочу найти другое объяснение. Затем я снова смотрю видео и независимо от всех моих усилий прихожу к тому же самому выводу. Он реагировал на мои слова.

Если Джозеф в сознании, он знает, что мы собираемся его убить. Это жестоко. Но, конечно, он и сам может хотеть умереть. Прямо сейчас Джозеф живет в аду. Он был заперт внутри своего тела на протяжении многих лет, неспособный общаться, а теперь ему наконец позволят умереть. Хочет ли он этого? Если врачи узнают, что он в сознании, они не смогут его убить. Это запрещено.

Может, мне стоит притвориться, что я никогда не смотрела это видео. Сохранить отношения с семьей, получить наследство и использовать его в помощь приюту для животных, жить дальше своей жизнью.

А если Джозеф не хочет умирать? И отчаянно хочет подать нам знак? Он лежит там и мечтает, чтобы кто-то заметил, что он не кусок мяса. Я даже не могу представить весь ужас этого.

Глава 13

Джозеф Флауэрс

Я по уши в дерьме.

Я не знаю, где я, но здесь нет никого, кто бы знал, что я на самом деле жив. Они перекатывают меня, склоняются надо мной, приближаясь слишком близко, и разговаривают так, словно я просто кусок мяса. Я пытаюсь показать им, что я здесь, но они даже не смотрят.

Я потею, мне то слишком жарко, то слишком холодно, тело зудит и болит. Я ничего не могу поделать и не могу никому ничего сказать. Мне страшно.

Я пытаюсь подать сигнал глазами, но эти люди его не замечают. Мои глаза как-то работают, но смотрят они туда, куда сами хотят, а не туда, куда хочу я. По большей части они смотрят на потолок, покрытый плитками с трещинами. Я вижу узоры в этих отломившихся кусочках, и еще там есть пятно в форме змеи. На самом деле это просто волнистая линия. Я помню, что у меня были змеи. У меня есть эти небольшие всплески воспоминаний в моем небытии. Когда я смотрю на потолок, я вспоминаю моих змей. В любом случае это единственное место, на которое я могу смотреть.

Навестить меня приходила моя маленькая сестренка, только она больше не маленькая. Теперь это взрослая жен-

щина, а это означает, что я нахожусь в этом состоянии гораздо дольше, чем предполагал. Вероятно, я спал много лет перед тем, как проснуться.

Она разговаривала со мной, рассказывала про моих змей – и на меня резко нахлынули воспоминания. Я пытался не погружаться в них, пока сестра находилась здесь, потому что это так здорово, когда кто-то с тобой разговаривает. Мне так скучно здесь, что, думаю, я могу умереть от скуки.

На самом деле я не хочу умирать. Кажется, что вроде бы и следовало, но это страшно, как это было бы для вас или для любого человека – меня страшит сама мысль о смерти. Я думаю, что меня здесь могут убить. Они в любом случае считают, что я, по сути, мертв.

Если бы я мог моргать, они, возможно, знали бы, что я здесь, но я не помню, как это делается. Мои глаза двигаются, но я не помню, как заставить их моргнуть, когда я этого хочу. Я пытался двигать глазами, когда моя сестра говорила про змей. Таким образом она могла бы понять, что я здесь. Тогда меня, может, и не убьют.

Глава 14

Ева

На следующий день я звоню Маркусу и спрашиваю, можно ли мне взять небольшой отпуск. Он не возражает. Я ему не нужна, и мы оба это знаем. Затем я направляюсь в дом инвалидов и говорю администратору, что хочу попрощаться с братом. Она сразу же позволяет мне пройти. Я предполагаю, что она меня узнала, хотя я, конечно, не могу сказать такое про себя.

В палате Джозефа никого нет, за исключением несчастного дядьки на соседней кровати. Я киваю ему и тихо здороваюсь, потом чувствую себя глупо. Я рада, что больше здесь никого нет. Так будет проще.

Похоже, Джозеф не спит или, по крайней мере, бодрствует так, как он вообще может бодрствовать. Я смотрю на его глаза и на остальную часть лица, анализирую их, как делаю обычно. Его глаза блуждают из стороны в сторону, но это движение происходит по одной траектории.

– Привет, Джозеф, – говорю я. – Надеюсь, что с тобой все в порядке.

Ему далеко до «все в порядке». Они убрали трубку, через которую ему в тело поступало питание. Он умирает.

Я смотрю в глаза Джозефа, пока говорю, пытаюсь уловить

их движение вверх, которое видела на видеозаписи. Мне кажется, что я замечаю легкое подергивание – они чуть-чуть поднимаются вверх, но движение почти незаметное, поэтому я не могу быть уверена в том, что оно действительно было. Я сажусь на стул рядом с его кроватью и наклоняюсь к его лицу. Как ужасно, что он не может от меня отодвинуться, как бы близко я ни склонилась. Он абсолютно беззащитен. С ним можно делать все, что угодно. Я не хочу, чтобы он был в сознании, ведь даже если он и убил мою семью, это слишком суровое наказание.

– Джозеф, если ты меня слышишь, подвигай глазами, как можешь, – говорю я.

У меня сжимается горло. Его глаза поднимаются вверх. Я уверена в этом. Часть меня хочет быстро бежать отсюда, пролететь через стерильную приемную и нестись по освещенным солнцем полям на улице, только бы не видеть этого. Джозеф не может общаться. Он не может быть здесь. Он же овощ. Он никогда не был в сознании. Правда ведь?

Я заставляю себя остаться. Если он на самом деле в сознании, как он должен сейчас себя чувствовать? Зная о возможности общаться. Я не могу этого представить.

– Отлично, – хвалю я его. – О боже, я думаю, что это видела. Пожалуйста, не повторяй это движение, пока я тебя не попрошу. Никаких движений, пока я не скажу.

Я жду несколько секунд и наблюдаю, как его глаза двигаются только по горизонтальной траектории.

Я понимаю, что схватила его за руку и сильно сжимаю ее, вероятно, причиняя ему боль. Я ослабляю хватку.

– Хорошо, Джозеф, – говорю я. – А теперь сделай это снова. Сейчас.

Вон оно! Легкое, почти незаметное движение. Такое движение нормальный человек, вероятно, и не заметит. Но я всю жизнь борюсь с лицами и рассматриваю их в мельчайших деталях, словно я с другой планеты. Поэтому я замечаю это движение глаз.

– Боже мой, боже мой, – повторяю я. – Ты на самом деле здесь. Нам нужно это повторить еще разок, чтобы я уже была уверена. Джозеф, повтори это. Сейчас.

Опять!

– Черт побери! – И это все, что я могу сказать. – Черт побери!

Я откидываюсь на спинку стула, сердце стучит у меня в груди. И что мне теперь делать? Я получила только один вид сигнала – «да», но не «нет». Я смотрю на Джозефа, и весь ужас его судьбы тяжелым грузом наваливается на меня. Наверное, он мог бы столько всего рассказать, но пока не знает, как это сделать.

Я делаю глубокий вдох и опять склоняюсь к нему поближе.

– Джозеф, мне нужно знать, что делать. Мне нужно задать тебе несколько вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.